

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

**ДРЕВНИЕ НОМАДЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

(Сборник статей)

Санкт-Петербург

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ДРЕВНИЕ НОМАДЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(Сборник статей)

Санкт-Петербург

Археологические изыскания
Выпуск 40

ISBN 5-201-01191-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Родился я в Гатчине 25 сентября 1924 г. Из этого же родного города осенью 1945 г. демобилизован по инвалидности, и нам, в офицерском полку резерва, выдали одним из первых медали «За Победу» и кое-какие продукты на первые дни жизни на гражданке. Затем на машинах безногих, безруких, увечных развезли по домам в Ленинграде. Совершенно не случайно, это как бы предопределено судьбой, что настоящая книга моя выходит в свет также в Гатчине. Круг жизненный определенным образом замыкается. Летом 1946 г. студентом I курса Кафедры археологии ЛГУ я отправился впервые в Среднюю Азию и был заворожен красотой Ферганской долины, не зря названной жемчужиной Средней Азии, и навсегда полюбил горы и ущелья Алая и Памира. Первая экспедиция с опытным и талантливым исследователем профессором Александром Натановичем Бернштамом незабываема.

С первой поездки прошло полвека и можно подвести некоторые итоги. Археологическое изучение Ферганской долины на современном уровне начато было экспедициями ленинградского ученого Б. А. Латынина, который обследовал памятники в ряде районов и провел небольшие раскопки в 1930, 1933—1934 гг. Затем он был необоснованно репрессирован и вернулся к научной работе только в конце 50-х гг. В накоплении материалов много сделала Ташкентская группа археологов во время строительства Ферганских каналов в 1939—1940 гг.

Однако, систематическое, планомерное изучение в масштабе всей Ферганской долины и горного ее окружения связано с экспедициями ленинградского проф. А. Н. Бернштама (1941, 1944—1948, 1950—1952, 1956 гг.). Я участвовал во всех экспедициях, начиная с 1946 г. и до последних дней жизни учителя в 1956 г. Наряду с коллегами по экспедиции и археологами из республик Средней Азии мне довелось закладывать основы археологии Ферганы.

Среди опубликованных мною работ более ста посвящено разным вопросам истории кочевников древнего и средневекового периодов. Заниматься этими темами я начал в студенческие годы. Одной из проблем, которая меня тогда волновала, — это взаимосвязи и проникновение кочевого населения из Средней (Центральной) Азии на правобережье Амударьи, на земли Древней Бактрии и в Северо-Западную Индию. На протяжении всех своей научной жизни я занимался этой проблемой. О кочевнических элементах Центральной Азии в Таксиле (северо-западная Индия) я докладывал на международной конференции в 1994 г. в Анапе и на Третьем Международном археологическом конгрессе в 1994 г. в Дели. Некоторые итоги подведены в данной книге в статье «Таксила и номады Центральной Азии».

После окончания Университета в 1950 г. я был зачислен в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (это название ИИМК РАН было восстановлено в 80-х годах). Передо мной была поставлена задача обобщения накопленных материалов по культуре оседло-земледельческого и кочевого населения Ферганской долины. В кандидатской диссертации «Древняя Фергана» (1954) мною разработана периодизация культуры Ферганы. Было выделено три периода, начиная с VII—IV вв. до н. э. и до III—VII вв. н. э. Для каждого периода охарактеризованы типы поселений, погребальных памятников, основные категории орудий, оружия и глиняной посуды.

Часть собранных материалов опубликована в книге 1960 г.¹) с добавлением только что мною в 1954 г. открытых памятников новой шурабашатской культуры. В книге исследованы погребальные памятники кочевников, открытые последней экспедицией А. Н. Бериштама в 1956 г. в Алайской долине. Не останавливаясь на культуре земледельческого населения, отмечу, что в книге большое место уделено раскопанным мною погребениям в полбойных могилах (Карамойнак), катакомбных сооружениях (Кайрагач) и др.

К концу 50-х гг. в ходе массовых раскопок курганов археологами областных музеев Ферганы и Центральных Учреждений Республик Средней Азии был собран огромный материал — несколько сот погребений. И весь этот массив нуждался в

¹ Ю. А. Заднепровский. «Археологические памятники южных районов Ошской области) середина I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э. «Фрунзе, 1960, а также в монографии Ю. А. Заднепровский. «Древнеземледельческая культура Ферганы». М.-Д. 1962 (МИА. № 118).

систематизации и классификации. Первый опыт региональной классификации осуществлен в моей книге 1960 г. Особое внимание уделено вопросам происхождения катакомбных и подбойных памятников Ферганы в связи с разгоревшейся дискуссией о принадлежности гуннам этих памятников и прежде всего эталонного памятника Кенкол. Впервые в книге поставлен вопрос о связи их с кругом юечжийских племен.

Наиболее полная сводка памятников Ферганы и уточненная классификация их изложена в работе «Номады древней Ферганы» (1995)². Занимаясь номадами Ферганы, нельзя было миновать памятники соседних областей — Семиречья и Тяньшаня — коренных территорий кочевого мира. Здесь обитали племена разного происхождения, которые оставили могилы различного устройства. Пришлось пересмотреть устоявшееся суждение о принадлежности усуням всех погребенных в грунтовых могилах, и я высказал предположение, что большая часть их оставлена коренными сакскими племенами, которые после завоевания их усунями во II в. до н. э. были включены в их состав. Статья «Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. — V в. н. э.» вышла в свет в 1971 г. и публикуется здесь повторно. Именно эта работа определила направления дальнейших моих исследований вопросов этнической принадлежности культур кочевников, сыгравших значительную роль в исторических судьбах Центральной Азии и Востока в целом.

Еще в 1968 г. на Международной конференции в Душанбе «Центральная Азия в кушанскую эпоху» я высказал гипотезу, что погребения в подбойных могилах в Семиречье, Фергане, Бухарском оазисе и на правом берегу Амударьи оставлены юечжийскими племенами. Таким образом, независимо и почти одновременно я пришел к одинаковому заключению с А. М. Мандельштамом, который сопоставил с юечжами исследованные им памятники на правом берегу Амударьи, в южном Таджикистане. Статья «К истории кочевников Средней Азии кушанского периода» вышла в свет в 1975 г. и включена в данную книгу.

Наиболее сильными после юечжей (кушан) в Средней Азии было кочевое владение Калгюй, история которого до сих пор загадочна и таит много неясного. Статья «Проблема локали-

² Ю. А. Заднепровский. Номады древней Ферганы: типология памятников, районирование, историческое истолкование//Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек. 1995.

зации Кангюя в свете археологических данных» публикуется впервые. В ней приводятся доводы в пользу сопоставления с кангюйцами катакомбных погребений на территории предполагаемого Кангюя. Новые материалы в пользу предположения катакомбы — кангюйцы приведены в работе «К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии»//Петербургский археологический вестник, 1994. Вып. 8.

Центральное место в публикуемом сборнике занимают вопросы истории юечжийских племен, обитавших в древности рядом с усунями и хуннами в глубинах Центральной Азии и изгнанных оттуда более сильными соседями.

Местоположение юечжей в их движении на Запад до столкновения с Греко-Бактрийским царством и создания Кушанской державы до сих пор окончательно не установлено и в литературе высказываются разные мнения. Спорность локализации юечжей и побудила включить в данный сборник рецензию на труд Л. А. Боровковой «Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. М. 1989.

В других статьях анализируются археологические свидетельства о путях миграции юечжей с их предполагаемой родиной в провинции Ганьсу (Китай) на запад.

Успехи китайских ученых в исследованиях памятников номадов в Таримской впадине (Синьцзян), соседней с Ферганой, привели к открытию ярких памятников. Один из них — «Могильник номадов Синьцзяна эпохи Хань», опубликованный в 1995 г. — включен в данный сборник.

Последний раздел «Бухара и кочевой мир» содержит критический анализ заключения первого исследователя могильников номадов на окраинах Бухарского и Самаркандского Согда. О. В. Обельченко, открывший эти памятники, считал, что они появились в результате вторжения с севера сарматских племен. К тому времени еще не были известны аналогичные погребения на средней Сырдарье и в Приаралье. Появление подобных памятников в новых регионах послужило основанием для пересмотра суждения о сарматах в Бухарском оазисе. Этому посвящена последняя в книге работа «Юго-восточная экспансия сарматов: про и контра», появившаяся в печати в 1994 г.

Кратко перечислю другие важнейшие работы по истории и археологии кочевников Центральной Азии. Разделы «Кочевники в VI в. до н. э. — середина VI в. н. э.» и связанный с ним раздел «Культура» в «Истории Киргизской ССР». Т. 1. 1984, с. 144—177, 206—214, а также раздел в «Истории цивилиза-

ции Центральной Азии». Т. 2, изданный ЮНЕСКО. Этой статьей открывается настоящий сборник.

Для обобщающего труда «Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время». М., 1992 мною написаны глава 2. «Семиречье, Тянь-Шань, Фергана» и «Памир», раздел 6 Гл. 3 «Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса» и в Гл. 5 «Ранние кочевники Восточного Казахстана (соавтор Н. А. Боковенко).

Отдельные статьи посвящены культуре кочевников Ирана: «Погребальные памятники номадов парфянского времени». В сб. «Древности. № 13. М., 1994; «Находки зеркал сарматского типа в Северном Иране». В сб. Искусство и археология Ирана. М., 1971. По материалам Северной Кореи статья «Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н. э. — II в. н. э. в Северной Корее//Изв. Сибир. отд. АН СССР. Сер. истории, философии, филологии. 1991. № 1.

Интересным памятникам средневековых кочевников посвящена работа «Тюркские памятники в Фергане» // Сов. археология. 1967. № 1; «Некрополь в Южной Киргизии//По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982. В ней описаны наиболее поздние катакомбные погребения VIII—IX вв. Уникальные погребения кипчаков изучены в ст. «Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане//Сов. археология. 1975. № 4 и «Уникальное кочевническое погребение первой половины XIV в. в Южном Туркменистане//Изв. АН Туркм. Сер. Гуманит. науки. 1993. № 1 (Соавтор Г. Гутлыев).

Участие в раскопках последних 3 лет курганов в Южной Башкирии отражено пока только в двух заметках.

Основное время и силы были потрачены на изучение разновременных и трудоемких оседло-земледельческих поселений от эпохи поздней бронзы и до средневековья. Семнадцать лет отданы исследованию Дальверзина — центрального поселения древнеземледельческих племен Ферганы эпохи поздней бронзы. Проблемам истории племен чувской культуры по материалам Дальверзина, Чуста и ряда других памятников посвящена моя докторская диссертация 1978 г.

Особое значение имеют раскопки в Оше и в Ошском оазисе. На горе в центре областного города Киргизии Оша исследовано поселение чувской культуры, которое по всему комплексу находок и по радиоуглеродным датам существовало на рубеже II—I тыс. до н. э., т. е. 3000 лет назад. Это поселение, как можно полагать, послужило прародителем современного Оша. Такое предположение, высказанное 20 лет тому назад,

тогда казалось фантастически нереальным. Однако в марте 1996 г. президент Кыргызстана издал указ о праздновании 3000-летия Оша в 2000 г. и ныне начато практическое осуществление проекта «ОШ-3000».

Кроме того, я занимался изучением ряда эталонных поселений и городов древнего периода Эйлатана, Шурабашата, Мархамата (Мыг-Гепе), древнего Касана, Мады (Медва) и средневековых городов Узгена, Кувы, Оша. Всем этим памятникам посвящены мои научные статьи, доклады и заметки.

Когда я достиг юбилейного года, мой ученик, узбекский ученый Бакуджон Матбабаев привез в Бухару, где проходила юбилейная конференция, посвященная 2500-летию этого города, великолепный подарок мне — он опубликовал в Самарканде в 1994 г. Сборник «Фергана в древности и средневековье», который начинается с моей биографии, списком опубликованных работ (более 300 до 1993 г.) За последние годы опубликовано еще двадцать и столько же находятся в печати) и несколькими научными работами коллег.

Некоторые работы стали уже библиографической редкостью, будучи изданы малым тиражом и в редких изданиях. Наиболее интересные, с моей точки зрения, не утратившие значения, собраны в данном сборнике «Древние поманы Центральной Азии». В них освещена только небольшая часть добытых материалов нашими экспедициями за 50 лет.

Заклячая, должен сказать, что трудно перечислить всех замечательных ученых, с которыми довелось общаться и работать бок о бок и позаимствовать от их богатого опыта и разнообразных знаний. Естественно, вспоминаю прежде всего своего научного руководителя Учителя А. Н. Берштама и, по указанию свыше, сменившего его второго руководителя в годы аспирантуры члена-корреспондента АН СССР Камиллу Васильевну Тревер. Многим я обязан патриарху фергановедения Борису Александровичу Латышину. Не могу обойти имени Михаила Михайловича Дьяконова (директора ИИМК и первого оппонента на кандидатской защите, вторым был Б. А. Латынин), а также заведующих отделом Средней Азии и Кавказа — Михаила Петровича Грязнова и Вадима Михайловича Массона.

И, наконец, я благодарен моей семье и прежде всего жене Татьяне Николаевне Заднепровской, которая связала свою жизнь с человеком, ставшим в 20 лет инвалидом и в резуль-

тате контузии весьма тугоухим. Роль ее неоценима, ибо без постоянной помощи и заботы жены я вряд ли смог исполнить и часть того, о чем сказано в этом предисловии. Дай Бог сил и здоровья дожить до нашей золотой свадьбы и до знаменательного юбилея Оша, самого древнего города на территории СНГ.

І. УСУНИ, КАНГЮЙ, ЯНЬЦАЙ — АЛАНЫ

НОМАДЫ СЕВЕРНОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЯ АЛЕКСАНДРА

//История цивилизации Центральной Азии.

Т. 2. Париж, ЮНЕСКО, 1994*

После похода Александра Македонского небольшая часть Трансоксианы вошла в состав его государства. На большей же части Трансоксианы и в степях господствующая политическая роль принадлежала кочевникам, по всей вероятности, разным сакским и массагетским племенам. В это же время произошли кардинальные изменения в степях Евразии. На Западе сарматы сменили скифов, а на Востоке образовалась мощная кочевая держава хунну (гуннов). Не случайно этот важный период в истории номадов Евразии называют гунно-сарматским.

Указанные события отразились и на исторических судьбах кочевников Средней Азии. В истории номадов Средней Азии III—II в. до н. э. были временем больших перемен и значительных передвижений огромных масс кочевников, в результате которых на историческую арену выходят новые группы племени. Угроза вторжения номадов с севера побудила греко-бактрийского царя Евтидема в 206 г. до н. э. временно объединиться с его противником — селевкидским царем Антиохом III. Именно северные «варвары» создали сильный барьер для распространения Греко-Бактрии в Трансоксиане.

К середине III в. до н. э. усиливается и выдвигается группа племен парнов и дахов — потомков массагетских племен Приаралья. Они вторглись с севера в пределы Парфии и, воспользовавшись ослаблением Селевкидов, около 250 г. до н. э. основали самостоятельное Парфянское государство во главе с династией Аршакидов. (Об этом в главе V). Это могущественное государство (середина III в. до н. э. — первая треть III в. н. э.), созданное номадами, стало грозным соперником Греко-Бактрии, государства Селевкидов, Римской империи, а также империи Кушан. Для осуществления своей политики аршакиды часто использовали в качестве наемников значительные отряды других кочевников, что содействовало постоянному пополнению и увеличению кочевого населения страны. Исследован-

* Работа впервые публикуется на русском языке.

ные в ряде мест в долинах Копет-Дага и Больших Балхан и в предгорной полосе могильники кочевников (29, 32) представляют реальное свидетельство постоянного обитания и большой роли кочевников в жизни Северной Парфии, а также о сохранении ими самобытности бытового уклада и культуры.

В первой половине II в. до н. э. из глубин Центральной Азии под давлением хунну на территорию Тянь-Шаня и Семиречья вторглись юечжийские племена, а за ними усунь. Появление этих групп кочевников оказало сильное влияние на изменение политической обстановки в Трансоксиане. Усунь вынудили юечжей уйти дальше на запад и они завоевали страну Дася (Бактрию).

Античные авторы также знают о завоевании Бактрии кочевыми племенами, но выходцами из-за Яксарта (Сыр-Дарья). Страбон (XI.8.2) называет не одно, а четыре племена — асины, пасианы, тохары и сакараулы. О дальнейших событиях Помпей Трог кратко сообщает, что цари тохаров асианы разгромили сакарауков (Юстин XLI, пролог).

Китайские хроники повествуют о завоевании Бактрии только юечжами — происходящими из Центральной Азии, тогда как античные источники о нескольких племенах, вторгшихся из-за Яксарта. Сопоставление этих противоречивых сообщений привело к созданию концепции о вторжении с двух сторон: с севера и с востока. Однако все попытки отождествить конкретных участников до сих пор остаются спорными.

Несомненно только одно, что в важнейшем событии всемирной истории — разгроме чужеземных правителей Бактрии, участвовали местные кочевые племена среднеазиатского, а также центрально-азиатского происхождения.

Основными источниками по истории кочевников «Западного края» служат «Исторические записки» (Ши-цзи) известного китайского историка древности, придворного историографа династии Хань-Сыма Цяня, а также династийные хроники Старшей династии Хань-Цянь Ханьшу и младшей династии — Хоу Ханьшу и династии Вэй-Бейши (1, 2).

Ценные, но весьма лапидарные упоминания содержат труды античных историков и географов и прежде всего Страбона, Птолемея, Помпония Мела и др. Согласование всех этих сведений письменных источников представляет и поныне трудную и зачастую неразрешимую задачу. В этих условиях особое значение приобретают все увеличивающиеся археологические источники. Однако на современном этапе изучения исследователи сталкиваются с не менее сложной проблемой этнической

атрибуции археологических памятников. В литературе по этим вопросам высказаны разные и часто противоречивые и взаимоисключающие суждения и гипотезы. В настоящее время невозможно однозначное решение проблем этнической принадлежности многих памятников кочевников. На основании имеющихся данных письменных и археологических источников можно обрисовать лишь основные вехи истории народов Средней Азии рассматриваемого периода.

Китайские источники сообщают о четырех крупнейших группах кочевников, о четырех кочевых государствах—Усунь, Кангюй, Яньдай и Юечжи. Наиболее подробные сведения имеются об усунях, которые выступают своего рода эталоном.

Во II в. до н. э. на северо-востоке Средней Азии — на Тянь-Шане и в Семиречье складывается крупное объединение кочевников — Усуньский племенной союз.

Из китайских источников известно, что первоначально они обитали в Центральной Азии по соседству с племенами юечжи и хунну. Однако местоположение древней усуньской земли точно невозможно определить. До нас дошли полуполюгендарные сведения о том, что в войне с юечжами усунь потерпели поражение, их предводитель был убит. Часть усуней вместе с новорожденным сыном вождя ушла под покровительство хуннов.

Позднее усунь на стороне хунну выступили против юечжей и, преследуя их, вторглись на Тянь-Шань и в Семиречье. Это произошло около 160 г. до н. э. Усунь подчинили себе местные сакские племена и часть юечжей, большая часть которых через Фергану продвинулась на юг Средней Азии, и создали основы будущей Кушанской империи.

Усунь закрепились на новых землях, ставшей для них второй родиной. Переселение усуней произошло во время правления Лейгяоми, который в малолетнем возрасте нашел приют и покровительство у хуннов. Со временем усунь стали достаточно сильны и Лейгяоми перестал подчиняться хуннам. Именно с этим правителем усуней встретился в 125 г. до н. э. — Чжан Цянь — известный китайский путешественник и дипломат. Он был послан ханьским императором У-ди, чтобы заключить союз с юечжами против хунну. На пути он был захвачен хуннами и пробыл в плену около 10 лет. Чжан Цянь был первым, кто побывал в стране усуней и его отчет является основным источником сведений о хозяйстве, обычаях и о жизни усуней и других кочевников и оседлых народов древней Средней Азии.

Чжан Цянь изложил императору У-ди свой план борьбы с хунну: заключить союз с усунями, укрепив его брачным родством, и тем самым как бы отсечь правую руку у хунну. Его план был принят, и Чжан Цянь направили в 115 г. послом к усуням. Так он вторично побывал в стране усуней, но на этот раз в сопровождении воинского отряда и с богатыми дарами.

Чжан Цянь предложил все тому же правителю усуней Лейгяоми вернуться на древние земли и вместе с ханьским государством выступить против хунну. За это ему предлагали союз и обещали ханьскую княжну в жены. Усуни в это время были ослаблены внутренними неурядицами и опасались хунну, и поэтому не дали окончательного ответа, решив продолжать переговоры.

В последующие годы ханьское государство добилось значительных военных успехов в Восточном Туркестане. И это побудило усуней направить большое посольство и 1000 лошадей с просьбой выдать в жены правителю ханьскую царевну. Сватовство увенчалось успехом, и в 107 г. до н. э. престарелому правителю Лейгяоми была отправлена ханьская княжна. В то же время хуны прислали свою княжну в жены усуньскому правителю и она была объявлена старшей супругой. Ханьская княжна стала младшей и для нее был построен особый дворец. Но она тосковала и в стихах жаловалась на свою судьбу, на то, что ее выдали за усуньского царя, который живет в хижине из войлока, питается мясом и пьет кислое молоко. Перед смертью усуньский правитель выдал свою ханьскую супругу за внука своего — Сэньгу. По настоянию ханьского двора она подчинилась местному обычаю (обычаю левирата) и успела родить в новом браке дочь. Но вскоре после этого скончалась. К этому времени Сэньгу стал правителем усуней и ему была направлена новая ханьская княжна.

В такой сложной и, скажем, романтической обстановке на исторической карте Средней Азии появилось новое владение во главе с вождем (царем) Лейгяоми, который носил титул Большой Гунь-мо или Кунь-мо. На протяжении длительной жизни Лейгяоми усуня испытывали горечь поражения от юечжей, совершили фантастически далекий переход из Центральной Азии в погоне за своими врагами юечжами, настигли их и разбили. Они основались на новой родине и окрепли здесь настолько, что с ними должна была считаться могущественная Ханьская держава, заключившая с ними союз на основе брачного родства.

В древней истории Семиречья и Тянь-Шаня Усуни — это первое более или менее устойчивое раннеклассовое племенное государство, о котором имеются конкретные сведения. В китайских источниках постоянно употребляют термин — «усуньское государство» или «кочевое государство».

Усуньское владение граничило на востоке с хунну, на юге — с оседлыми владениями Восточного Туркестана, на юго-западе — с владением Давань (Ферганой), а на западе — с Кангюем. В состав усуней вошли местные покоренные племена саксов, а также юечжей. Это вытекает из сообщения, что между усуньцами находятся отрасли племен Сэского и Юечжиского. (1). Следовательно, население было разного этнического происхождения. Вопрос об этнической принадлежности самих усуней до сих пор не ясен и высказаны противоречивые суждения. Очевидно лишь одно, что основную массу населения составляли потомки ираноязычных сакских племен. Усуньское владение, таким образом, было полиэтничным объединением.

В политическом отношении владение еще при Гунь-мо Лей-гяоми было разделено на три удела между двумя сыновьями и отцом, при этом Гунь-мо возглавлял центральный удел и оставил за собой верховное руководство. Административно-политический центр государства — ставка усуней, окруженный стенами город Чигу (город Красной долины), размещался в котловине Иссык-Куля. Город Чигу являлся также крупным торговым центром на одном из ответвлений Великого Шелкового Пути. Местоположение его археологами пока не установлено.

Основным занятием являлось скотоводство: «Усуны не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами. В их владениях много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов». (1).

Однако в географических условиях Семиречья и Тянь-Шаня невозможно было непрерывное кочевание и, очевидно, хозяйство усуней было полукочевое, при котором население по сезонам сменяло пастбища, расположенные в разных ландшафтных зонах. (4).

Скотоводство усуней сочетали с земледелием, о чем свидетельствуют открытые археологами поселения усуньского времени в долине Чу (3), в котловине Иссык-Куля и в Восточном Семиречье. (5). На поселениях открыты остатки наземных глинобитных, а также на каменном фундаменте жилищ,

многочисленные зернотерки и орудия земледелия, а также кости домашних животных. Состав стада, в котором большую роль занимало разведение коров и лошадей, характерен для хозяйств, ведущих полукочевое скотоводство.

Социальная структура Усуньского владения была по хунскому образцу. Во главе стоял Большой Гунь-мо, власть которого переходила по наследству. Был создан довольно развитый аппарат управления, состоящий из 16 высоких должностных лиц. Он был более простой, чем у хунну. В своей деятельности правитель опирался на Совет старейшин, который в известной мере ограничивал его власть.

Большой Гунь-Мо и два его сына—правители левого и правого удела—имели каждый личную дружину по 10000 конницы. Кроме того, было обычное войско и все свободные общинники являлись воинами. Они могли выставить 188300 человек войска. Усуни обладали значительной военной силой, хотя приведенная цифра возможна преувеличена и условна, как и другие подобные количественные данные в китайских источниках.

Аппарат управления и правящая знать существовала на доходы, поступавшие в виде дани от покоренных племен, военной добычи и путем торгового обмена. Трофеи, добытые в частях в то время войнах, порой были весьма значительными и включали большое количество скота, разного имущества и пленных. Большую часть всего этого получала правящая верхушка и привилегированные воины личной дружины, накопившие в своих руках, таким образом, огромные богатства.

Имущественное неравенство во владении скотом и пастбищами неизбежно вело к сосредоточению власти внутри племени в руках наиболее богатого и многочисленного рода. Из всего этого складывалось социальное неравенство, которое устанавливается по археологическим данным и, которое отмечается в источниках, что среди усуней самые богатые имели четыре-пять тысяч голов лошадей. Это прямое указание на существование частной собственности на скот. Известны также сведения о закреплении преимущественного права пользования отдельными пастбищами. Так один гунь-мо запретил пастись скот на своих пастбищах. Все это пораждало недовольство, раздоры, народные волнения, в которых стихийно в своеобразной форме отражалась борьба разных слоев раннеклассового общества усуней.

Накопление богатства в руках господствующего слоя, привело к социальному расслоению и сложению отношений, ха-

рактерных для раннеклассового общества, в котором сильны были патриархально-родовые порядки. Одним из проявлений их является распространение у усуней, как у хунну, обычая левирата, по которому вдова остается в семье мужа, становясь женой одного из его родственников. Распространено было многоженство, во всяком случае, у господствующей верхушки.

В усуньском обществе были рабы, главным образом, из военнопленных. Так, имеется сообщение о захвате в плен 40000 человек в войне с хуннами. Труд их использовали в домашнем хозяйстве, а также отчасти в ремесле и в меньшей мере, в скотоводстве и земледелии. Основным производителем по-прежнему является свободный общинник.

По уровню социально-экономического развития общество усуней было примерно равно хуннскому. Это было достаточно высоко организованное объединение кочевников, в недрах которого созревали элементы феодальных отношений.

Политическая история усуней заполнена борьбой с хуннами, внутренними междоусобицами и частыми сменами правителей, борьбой между сторонниками хунну и дома Хань, вмешательством ханьского государства.

Так, около 80 г. до н. э. хунну с союзниками напали на усуней и нанесли им серьезное поражение. Тогда Гунь-мо Унгуйми обратился за помощью к ханьскому императору и они совместно в 72 году напали на хунну и добились победы. При этом захватили много пленных и более 700 тыс. лошадей, рогатого скота, верблюдов и ослов. Эта богатая добыча усилила усуней. И не случайно, что именно в правлении Унгуйми усунь оказывали большое влияние на политику оседлых оазисов Восточного Туркестана. При этом сын Гунь-мо стал правителем Яркенда, а дочь была выдана за правителя Кучи. I в. до н. э. был временем расцвета усуней.

Отношения усуней с соседним владением Кангюй не всегда были мирными. В китайско-даваньском военном конфликте 104-99 гг. до н. э. усунь заняли позицию дружественного для Давани невмешательства.

О событиях в усуньском владении в первых веках н. э. мало известно. Под давлением новых кочевых племен центрально-азиатского происхождения Жужан усунь вынуждены были из Семиречья уйти в горы Тянь-Шаня. Последнее упоминание в источниках усуней относится к 436 г., когда к ним было направлено китайское посольство и затем усунь отправили ответное. В середине V в., как можно полагать, усунь, наряду с

другими соседними народами, попали в подчинение эфталитам.

Археологические памятники усуньского времени, исследованные в большом количестве на территории Семиречья и Тянь-Шаня, весьма разнообразны, что, очевидно, отражает прежде всего этническую разнородность населения. Среди них выделяются две наиболее распространенные группы памятников. Преобладают количественно могильники с захоронением в грунтовых ямах 4, 9, 12, 15. Эта группа названа Чильпекской по первому исследованному могильнику. Достаточно обоснованно ее можно связать с местным сакским населением, вошедшим в состав усуньского владения. 17, 19. Именно они сохраняли преемственно традиции и особенности погребального обряда и матерьяльной культуры более раннего сакского периода.

Вторую группу образуют курганы с захоронением в подбойных и катакомбных могилах. Памятники этой Айгырджальской группы появляются в широком масштабе лишь на рубеже нашей эры и не имеют местных корней. 4, 17, 19, 20. На протяжении длительного времени, начиная со II в. до н. э. и до V в. н. э. они сосуществуют здесь с могильниками Чильпекской группы. Довольно часто они встречаются на одной и той же территории и в одних и тех же могильниках. Могильники с захоронениями в подбоях и катакомбах, вероятно, принадлежали пришлому населению. Имеются известные основания подбойные могилы сопоставлять с юечжами¹⁸. Бесспорных доказательств определения могильников, принадлежащих усуням, пока не установлено.

Все высказанные в литературе этнические определения археологических памятников кочевников Семиречья и Тянь-Шаня являются только предположительными. Очевидно лишь одно, что появившиеся в Семиречье пришлые племена и их потомки обитали на протяжении 600—700 лет бок о бок с местным населением, смешиваясь с ним и образуя определенное единство. Для рассматриваемого времени характерны захоронения в простых грунтовых могилах, иногда перекрытых накатом из бревен. Умершего снабжали большим количеством сосудов, очевидно, с молоком и жидкой пищей, а также кусками мяса барана. Погребенному положены его личные украшения, бытовые предметы и редко предметы вооружения. В некоторых могилах найдены золотые украшения, в том числе привозные. В большинстве случаев мо-

гилы рядовых общинников бедны и инвентарь однообразен.^{4, 12, 15.}

В могилах Айгырджальской группы значительно чаще встречается оружие.

Особый интерес вызывает Каргалинское погребение женщины-шаманки, обнаруженное в ущелье на высоте 2300 м, поблизости от г. Алма-Аты. В могиле оказалось много украшений одежды и головного убора — всего около 300 предметов из золота с инкрустацией из бирюзы. Уникальна найденная диадема с изображением зверей, птиц, людей в окружении сложного растительного орнамента. Диадема украшена вставками сердолика, альмандина и бирюзы. Это изделие характеризует высокое художественное мастерство древних мастеров⁸.

Богатое захоронение усуньского времени выявлено в могильнике Тенлик в Восточном Семиречье. Одежда знатного воина была украшена сотней золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника с плащом. Изображение на этих бляхах дает представление о породе широко известных усуньских лошадей.

Довольно широкое распространение богатых захоронений подтверждает заключение о имущественном расслоении общества усуней.

По соседству с усунями находилось еще одно крупное кочевое владение Кангюй, которое сыграло исключительно важную роль в истории Трансоксианы на рубеже нашей эры. После государства юечжей — кушан оно было самым сильным в регионе. По сведениям китайских хроник, Кангюй располагался к северо-западу от Давани, к западу от усуней (граница между ними проходила по долине р. Талас), на юге он граничил с юечжами, а на северо-западе — с Яньцай. Следовательно Кангай включал как районы Ташкентского оазиса, так и часть междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Но центральное ядро его находилось на Средней Сыр-Дарье.

Время образования этого государства нам неизвестно и бесспорно только одно, что оно существовало уже во II в. до н. э. Для сложения большого государства, каким Кангюй был во II в. до н. э., несомненно, требовалось значительное время. Поскольку участники и историки похода Александра Македонского, который, кстати сказать, встречался с царем хорасмиев, ничего не говорят о крупном политическом объединении на Яксарте (Сыр-Дарье), то можно полагать, что

Кангюй появился на политической арене позднее, не раньше рубежа IV—III вв. до н. э. Кангюйская держава объединяла ряд областей с оседло-земледельческим и кочевым населением и представляла в древней истории Трансокснаны наиболее яркий пример сосуществования и даже симбиоза разнородного по хозяйству и культуре населения. В зависимости от Кангюя находилось пять малых владений, локализация которых до сих пор дискуссионна. (10, 21, 38). Среди них, как полагают, на далекой северо-западной периферии располагался Хорезм.

События середины II в. до н. э., связанные с борьбой средне-азиатских племен против Греко-Бактрии, не могли не затронуть Кангюй, поскольку в них участвовало и кочевое население (асии, тохары и др.), обитавшее за Яксартом. В результате ухода этих племен, хотя бы даже какой-то части их, в долине Сыр-Дарьи изменилось соотношение сил. Этим воспользовался Кангюй, который, видимо, к I в. н. э., как можно заключить из сообщения Хоу Хань-шу, подчинил владение Яньцай, расположенное в 2000 ли к северо-западу, очевидно, в Приаралье и лежавшее еще далеко владение Янь (в Южном Приуралье). Яньцай принято отождествлять с крупным сарматским союзом племен во главе с аорсами. (33). Таким образом, Кангюй на северо-западе вошел в прямые контакты с сарматским миром. Это направление экспансии Кангюя в I—II вв. н. э. предопределено было возникновением могущественной Кушанской империи на юге и существованием на востоке сильного усуньского государства, опиравшегося на союз с Ханьской империей, а также державы хунну (Кангюй на юге подчинен юечжам, а на востоке — хунну — сообщают китайские хроники). Продвижение Кангюя на северо-запад и подчинение Яньцай, во-видимому, вынудило к уходу на запад часть племен аорсов, а позднее и алан и, следовательно, можно считать, что Кангюй сыграл важную историческую роль, приняв участие в событиях начального этапа Великого переселения народов — важнейшего события всемирной истории. Таким путем Кангюй взял под контроль северный участок международного торгового пути, именуемого Северной дорогой.

Кангюй, стремясь сохранить свое влияние и на южном участке Северной дороги, проводил активную политику на востоке и юго-востоке. Он выступил союзником Давани во время похода ханьской армии Ли Гуан-ли в 101 г. до н. э. И, хотя кангюйские войска не приняли участия в боях, их появление помогло даваньцам отстоять свою независимость.

Упорную борьбу приходилось Кангюю вести с соседними усунями. В середине I в. до н. э. Кангюй обратился за помощью к шаньюю Северных хунну Чжи Чжи. В начале действия союзников увенчались успехом и отряды Чжи Чжи проникли вглубь усуньской страны и в 42 году до н. э. осадили их столицу Чигу. Но затем в события вмешалось Ханьское государство и в 36 г. до н. э. в Таласе ханьскими войсками Чжи Чжи был разбит и обезглавлен. Кангюйский правитель в знак покорности отправил своего сына заложником ко двору ханьского императора. Все эти события, связанные с походом против Чжи Чжи, описаны с красочными деталями в «Жизнеописании Чэнь Тана». (37).

Однако, и в дальнейшем Кангюй продолжал проводить самостоятельную политику. Еще в III в. н. э. он сохранял свою независимость и посылал посольства императорам Китая. Убедительным свидетельством независимого положения служит чекан собственной монеты в II—III вв. н. э. В это время складывается устойчивый тип монет кангюйских правителей Чача (Ташкентского оазиса) с изображением головы государя влево и тамгой и надписью на обороте (13). Этот чекан сходен с некоторыми ранними монетами Древнего Хорезма. В дальнейшем Кангюй приходит в упадок и, как другие государства Трансоксианы, входит в состав эфталитского государства.

Правящее ядро Кангюя составляли кочевники, обычаи которых были сходны с юечжами. В Цянь Хань-шу содержатся сведения о типично кочевом образе жизни элиты Кангюя и, прежде всего, государя, который зимой пребывал в столице — городе Битянь, а летом — в ставке, расположенной в семи днях пути на лошади.

Многочисленные археологические памятники кочевников указывают на господствующую роль их в жизни государства. На северных склонах Каратау исследованы могильники Берккара (6) и Тамды (10), относящиеся к III—I вв. до н. э. Захоронения производили под курганными насыпями в грунтовых могилах, иногда перекрытых деревянным накатом. В инвентаре лепные и реже станковые сосуды, железные мечи и наконечники стрел, простые украшения. Эти два памятника принадлежат, по мнению исследователей, кангюйским племенам раннего периода и в традиционной культуре их наблюдаются черты, характерные для сакских племен в целом.

На рубеже нашей эры происходят кардинальные изменения в погребальном обряде и широкое распространение получают,

как и в других районах, обряд захоронения в катакомбных могилах. (36) Это многочисленные могильники каунчинской и джунской культуры рубежа н. э. — I—IV вв. до н. э., которые в литературе принято считать кангюйскими (13, 25). Они по всем основным признакам отличаются от могильников типа Берккара и Тамды, и поэтому в отличие от более ранних их следует именовать позднекангюйскими.

Вместе с тем в Кангюе значительное развитие получила оседло-земледельческая культура, о чем позволяют говорить краткие сообщения письменных источников и археологические материалы. Весьма возможно, что часть изученных погребальных памятников каунчинской и джунской культуры Ташкентского оазиса и Средней Сыр-Дарьи принадлежит оседло-земледельческому населению. Но выделить их из общей массы в настоящее время невозможно.

Третье крупное кочевое государство — Яньцай располагалось на северо-западе Средней Азии в степях Приаралья и Северного Прикаспия в зоне ее контактов с сарматским миром. Кочевое население этой территории принадлежит к сарматскому кругу племен, которые, сменив скифов, вышли на историческую арену на рубеже IV—III вв. до н. э. Новый этап в истории номадов наступает во II в. до н. э., с появлением нового крупного сарматского объединения во главе с аорсами. О сложившейся к этому времени исторической ситуации сообщает Страбон. В степях между Каспием и Танаисом (Доном) обитают целый ряд номадов и среди них сираки и аорсы.

«Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20000 всадников (в то время, когда Фарнак владел Боспором), Спадин же, царь аорсов, даже 200000; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения» (XI, 5, 8).

Из этого текста следует, что аорсы и, видимо, родственные им племена верхние аорсы — племена сарматского происхождения господствовали в Прикаспии. Точные границы расселения аорсов, особенно на востоке, нам неизвестны. Но полагают, что их влияние распространялось до Аральского моря. (33).

Аорсы обладали огромной военной силой, если их царь, будучи, очевидно, союзником боспорского царя Фарнака (63—47 гг. до н. э.) мог выставить 200000 воинов. Аорсы играли большую роль в политических событиях в Северном Причерноморье до появления здесь аланов на протяжении почти трех столетий (II в. до н. э. — I в. н. э.). Известно, что царь аорсов Евнон был союзником боспорского царя Митридата VIII (40—44 гг. н. э.) в борьбе против Рима и после поражения даже предоставил Митридату убежища.

Страбон говорит о налаженной международной торговле аорсов с государствами Кавказа и к югу от него. Они же контролировали торговые пути, ведущие из Боспора и других городов—государств Северного Причерноморья в оседлые государства Трансоксианы и в Китай. По сообщениям китайских источников одна из частей Великого Шелкового Пути — известная как Северная дорога, проходила через Восточный Туркестан, Давань, Кангюй в страну Яньцай. Обнаруженные при археологических раскопках в степях и городах Северного Причерноморья китайские изделия и находки предметов боспорского производства на востоке документируют функционирование этого важного международного торгового пути на рубеже и в первых веках н. э.

В литературе принято отождествление аорсов античных авторов и государства Яньцай китайских хроник. В Ши-цзы говорится, что «Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение в обыкновениях сходствует с Кангюем. Войска более 100000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море». (1—2).

Это независимое кочевое государство имело немаловажное значение в истории Трансоксианы и на международном торговом пути, и не случайно, что Ханьская империя направляла туда посольства и поддерживала постоянные торговые сношения по Северной дороге.

В источнике точная дата не указана, но можно полагать, что в I в. н. э. резко меняется политическое положение Яньцай, которое попадает в зависимость от Кангюя. В Хоу Хань-шу сказано: «Владение Яньцай переименовалось Аланья, состоит в зависимости от Кангюя». (1—2). В зависимость попало и владение Янь, расположенное севернее, которое платило дань пушниной. По всей вероятности, и Яньцай также вынужден был платить дань.

Многие ученые сопоставляют наименование страны Яньцай, Аланья или по другим переводам Аланьнаго и Аланьялю с аорсами и аланами античных источников, хотя с лингвистической точки зрения оно не может быть обосновано. Однако заслуживает внимание то, что указанное переименование совпадает во времени с выходом на политическую арену аланских племен. С аорсами принято сопоставлять могильники кочевого населения Нижнего Поволжья рубежа н. э.

В начале I в. н. э. в степях между Каспием и Доном господствующее положение в сарматской среде захватывают аланы, являющиеся, по утверждению Аммиана Марцеллина, потомками массагетов. Они представляли в I—III вв. н. э. грозную силу, с которой вынуждена была считаться Римская империя. Аланы часто угрожали периферийным владениям Рима на Дунае, а также в Малой Азии, куда они проникали через Кавказ. Аланы успешно выступали против Парфии. В середине IV в. н. э. аланские племена были жестоко разгромлены новыми кочевыми племенами гунинов, а уцелевшие группы были включены в состав гуниских орд и с ними устремились далеко на запад. Эти события и составляют основной этап Великого переселения народов.

Исторические и археологические источники позволяют рассматривать Яньцай (аорсы), Аланья (аланы) и Кэнгюй как родственные, сходные по обычаям и одежде по замечанию китайских хроник, ираноязычные племена. Определенное сходство культуры этих народов нашло отражение в исследованных погребальных памятниках Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Ташкентского оазиса и шире Средней Сыр-Дарьи.

Особое положение отмечается в Приаралье. На этой территории выявлено значительное количество разнородных погребальных памятников кочевников. Оригинальные монументальные мавзолеи круглые в плане с крестовидной внутренней планировкой располагаются в низовьях Сыр-Дарьи. Они служили для неоднократных погребений. Датируются эти памятники Чирик-Рабата, Бабиш-Муллы и Баланды IV—II вв. до н. э. С. П. Толстов считал, что они принадлежат племенам апаснаков. (38).

С тохарами Страбона отождествляет С. П. Толстов своеобразные курганы с наземными круглыми и прямоугольными камерами из сырцового кирпича, рядом с которыми имеются и обычные грунтовые могилы. Эти погребальные памятники Джеты-Асара находятся в бассейне Куван-Дарьи в низовьях Сыр-Дарьи. (38).

В левобережный Хорезм, начиная с IV—II вв. до н. э., проникает пришлое кочевое население, для которых характерен обычай захоронения в курганах с подбоем. Количество подобных памятников увеличилось во много раз (26). Исследованные памятники и обнаруженные предметы послужили основанием для заключения о влиянии хуннской культуры в III—IV вв. н. э. на кочевое население Джетыясара и о том, что эти племена составили один из важных компонентов белых гуннов (эфталитов). (38).

Следует отметить широкое распространение курганов кочевников рассматриваемого периода вдоль плато Устюрта к западу от Аральского моря. Тем самым обнаружены памятники, которые связывают районы Средней Азии со степями Приуралья и Восточной Европы (39).

В политической истории Центральной Азии определяющая роль принадлежала хуннам с конца I в. до н. э. Изгнав из глубин Азии юечжей и усуней, хунны стали вмешиваться в события на территории Семиречья, занимаемой усунями, которые в это время установили дружеские отношения с Китаем, направленные против экспансии хуннов. Имеются достоверные сведения китайских источников о пребывании некоторых групп хуннов на территории усуней и кангюй. Особый интерес вызывает сообщение о небольшом владении Ушаньму, расположенном между этими двумя кочевыми союзами. Ушаньму было тесно связано с хунну. Хулугу-шаньюй — вождь хуннов (96—85 г. до н. э.) выдал за правителя Ушаньму сестру своего родственника. Сын шаньюя Гихэ-ушянь, не получив престола, ушел к тестю своему в Ушаньму, где с общего согласия старейшин восточной стороны Гихэушянь был избран в 60 г. до н. э. под именем Хуханье-шаньюя правителем хуннов. Произошел раскол хуннов на две враждующие части. Хуханье направился на юг и поддался в подданство Китаю.

Старший брат Хуханье-шаньюя в это время объявил себя Чжи-чжи-шаньюем и возглавил северных хунну. Началась распря между братьями. Чжи-чжи-шаньюй вступил в союзные отношения с Кангюем против усуней. При этом правитель Кангюя выдал свою дочь в жены Чжи-Чжи. После победы союзников над усунями и захвата их столицы в 42 г. между кангюйцами и хуннами возникли раздоры. Усуни обратились за помощью к союзному Ханьскому Китаю, который направил два отряда против Чжи-Чжи. Он скрылся в долине Таласа в городе-ставке и приготовился к борьбе. Город китайцами был взят штурмом, и Чжи-Чжи казнен в 36 г. до н. э. Разделение

хунну на две ветви окончательно сложилось. Часть северных хуннов после поражения Чжи-Чжи-шаньюя ушла на юг к Хуханье.

Оставшиеся северные хунны образовали новое владение Юебань, располагавшееся возле оз. Балхаш. На протяжении I в. до н. э. — I в. н. э. хунны стали хозяевами степных просторов к северу от Сырь-Дарьи. Они, в отличие от южных, сохранили свою независимость. Владение Юебань в IV в. посылало дары китайскому двору. Юебань в середине I тыс. н. э. занимало земли, ранее принадлежавшие Усуням. Наибольшего могущества они достигли во время правления Хоянь-князя (123—135 г. н. э.) На протяжении I в. до н. э. — I в. н. э. северные хунны сохраняли свою независимость. Их длительное пребывание в степях Центральной Азии засвидетельствовано археологическими данными. Так, например, типичные хуннские бронзовые котлы найдены в Джетыясаре (24).

В литературе высказано предположение о связи с хуннами эталонного могильника Кенкол в долине Таласа, в той долине, где находилась город — ставка Чжи-чжи-шаньюя. Гипотеза эта дискуссионна, и вопрос остается до сих пор открытым.

В долине Таласа в известном могильнике Кенкол исследованы захоронения в катакомбных могилах, которые относят к I—IV вв. н. э. (11, 22, 35). Погребенные лежат в деревянных гробах. Их сопровождает оружие и в том числе лук специфического хуннского типа и костяные наконечники стрел, а также деревянные сосуды. Все эти элементы материальной культуры характерны для хуннов. (11, 31). Вместе с тем глиняная посуда и некоторые бытовые предметы относятся к изделиям местных племен. И сама форма погребального сооружения отличается от распространенных среди хуннов. Погребенные в Кенколе относятся к двум расовым типам. Количественно преобладали представители намиро-ферганского европеоидного типа. На ряду с ними имеется европеоидный тип со значительной монголоидной примесью. (16). Этническая (племенная) принадлежность Кенкола вызывает споры. Одни относят их к хуннам, другие к местным, в том числе кангюйским племенам. (11, 22).

Поскольку Кенкол располагается в долине Таласа на восточных землях Кангюя, то имеет основание рассматривать его как кангюйско-хуннский памятник, в котором отразились влияния хуннов на местное кангюйское население.

Сходное явление отмечается также в курганах, расположенных в районе Чардары на Средней Сыр-Дарье. В одной из

могил здесь найден бронзовый котел, а также глиняные сосуды, сходные с хунскими. (27). Однако и здесь преобладающим было местное кангюйское население.

В заключение следует отметить, что кочевые племена юечжей, представлявшие наиболее могущественную силу в Трансоксиане во II—I вв. до н. э., сыграли основную и решающую роль в создании одной из крупнейших держав древнего мира — Кушанской империи. Но об этом обстоятельно рассказано в главах VII и XI.

В дополнение укажем только, что изученные на территории Северной Бактрии могильники (Тулхар (8), Аруктау, Коккумский и Бабашовский (30) и др.) с материалами рубежа н. э., достаточно убедительно отождествлены с юечжами, создателями Кушанского государства. Открытые на Тянь-Шане (12, 20) и в Семиречье (4, 9, 11), в Согде (34) и в Фергане (7, 23, 36) близкие по типу погребальные памятники кочевников, весьма вероятно, можно рассматривать как объективные свидетельства передвижения юечжийских племен в их миграции на юг в сторону Бактрии и Индии (18).

Рассмотренные исторические и археологические данные, взятые в совокупности, позволяют охарактеризовать выдающуюся роль среднеазиатских nomадов в истории как Центральной Азии, так и в мировом историческом процессе в целом. Именно в результате их деятельности на исторической арене появляются новые могущественные государства — Парфянское и Кушанское, а также крупные державы Кангюй и Усунь, а позднее эфталитов. Среднеазиатские nomады приняли определенное участие в Великом переселении народов — важнейшем событии всемирной истории. Они внесли значительный вклад в дело взаимного обмена культурными достижениями крупнейших цивилизаций древнего мира. Бесспорно влияние nomадов и на развитие оседлых культур Востока и, особенно, в военном деле и в области искусства. Из всего этого следует, что среднеазиатские nomады древности оставили неизгладимый след в истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бичурии Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва—Ленинград, т. I—III, 1950.
2. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Москва, 1961.
3. Абтегезов А. К. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней. КСИА, 1970, вып. 122.
4. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
5. Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. Известия АН Казахской ССР, серия Обществен. наук, 1969., № 1.
6. Бабанская Г. Г. Берккартинский могильник. Труды Института истории, археологии и этнографии. АН Казахской ССР, т. I, 1956.
7. Баруздин Ю. Д. Памятники кочевников рубежа и первых веков н. э. В кн.: Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962.
8. Бернштам А. П. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалынке. КСИИМК, вып. V, 1940.
9. _____ Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. Советская археология. 1949, т. XI.
10. _____ Проблемы древней истории и этногенеза южного Казахстана. Известия АН Казахской ССР, № 67, серия археологическая, вып. 2, 1950.
11. _____ Очерк истории гушпов. Ленинград, 1951.
12. _____ Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, Москва—Ленинград, 1952.
13. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
14. Вайнберг Б. И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. Москва, 1981.
15. Воеводский М. В., Грязнов М. П. У-суньский могильник на территории Киргизской ССР. К истории У-суней. ВДИ, 1938, № 3.
16. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. Москва, 1972.
17. Заднепровский Ю. А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. — V в. н. э. Страны и Народы Востока, 1971, вып. 10.

18. _____ К истории кочевников Средней Азии кушанского периода. В кн. Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. 2, Москва, 1975.
19. _____ Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э. — VI в. н. э.). В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
20. Кибиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. 1953—1955 гг. Труды Киргизской археологическо-этнографической экспедиции, 1959, т. 2.
21. Кляшторный С. Г. Древнетюрские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва, 1964.
22. Қожомбердиев И. Қ. Катакомбные памятники Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
23. _____ Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. В кн.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.
24. Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры. В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1966.
25. Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы. СА, 1967, № 2.
26. Лохвиц В. А.,
Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр. В кн.: Кочевники на границах Хорезма, Москва, 1979.
27. Максимова А. Г.,
Мерциев М. С.,
Вайнберг Б. И.,
Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
28. Маццелыштам А. М. Кочевники на пути в Индию, МИА, № 136, Москва—Ленинград, 1966.
29. _____ Мешрепитахтинский могильник. КСИА, вып. 128, 1971.
30. _____ Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Ленинград, 1975.
31. _____ К гушанской проблеме. В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
32. Марушенко А. А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. V, Ашхабад, 1959.

33. Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. Советская этнография. VI—VII, Москва—Ленинград, 1947.
34. Обельченко О. В. Лявандакский могильник. История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, 1961.
35. Сорочкин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956.
36. _____ Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры. СА, 1956, т. XXVI.
37. Таскин В. С. Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам), вып. 2, Москва, 1973.
38. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962.
39. Ягодин В. Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья. В кн.: Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВНИКОВ СЕМИРЕЧЬЯ УСУНЬСКОГО ПЕРИОДА II в. до н. э. — V в. н. э.

//Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10.

В исторических судьбах Средней Азии усуньского времени большую роль играли кочевые племена. Именно они явились главной силой в борьбе с Греко-Бактрийским царством и в образовании Парфянского и Кушанского государств. Изучение истории этих племен первоначально основывалось на интерпретации письменных источников. В последнее время все большее значение приобретают исследования археологических памятников.

На территории Семиречья изучено значительное количество главным образом погребальных памятников рассматриваемого периода. Они могут быть разделены на несколько групп, различающихся по устройству могилы, особенностям погребального обряда и характеру сопровождающего инвентаря, а отчасти и по антропологическому типу погребенных.

Резюмируя результаты археологических работ, М. В. Воеводского — М. П. Грязнова (13), А. Н. Бернштама (12), А. Кибирова (21), Е. И. Агеевой (2), К. А. Акишева (6), Г. В. Кушасва (25), А. Г. Максимовой (30), А. К. Абстекова (1) и др., можно выделить два основных типа памятников — чильпекский и кенкольский. Первый объединяет захоронения в простых грунтовых могилах, обычно именуемые в литературе усуньскими. Второй включает, по крайней мере, две разновидности — памятники с погребениями в катакомбах, которые и составляют собственно кенкольскую группу, и группу могильников с захоронениями в подбоях, которую можно назвать айгырджалъской. Автор считает необходимым рассматривать их как самостоятельные. Однако в данной работе для удобства и ясности изложения гипотезы автора они объединены по одному признаку — отличию их от могильников с простыми грунтовыми ямами.

Относительно этнической принадлежности отдельных групп захоронений Семиречья рассматриваемого времени в литературе высказаны разные предположения. Так, М. В. Воеводский и М. П. Грязнов изученные ими курганы с захоронениями в грунтовой яме отнесли к памятникам усуней

(13). А. И. Тереножкин высказал мнение, что часть вскрытых могил принадлежала усуням, а другая — племенам сэ (саков) или юечжей (39). Катакомбные и подбойные захоронения Семиречья А. Н. Бернштам отождествлял с гуннами (10; 11, стр. 359—362). Г. В. Кушаев подбойные могилы долины Или связывает с местным населением (25, стр. 253). Появление этих же захоронений Е. И. Агеева объясняет переселением какой-то части среднеазиатских племен в Семиречье (2, стр. 39). Курганы с деревянным перекрытием и своеобразной глиняной посудой в могильниках Соколовка и Джергес на Тянь-Шане А. Н. Бернштам сопоставил с восточной группой юечжей (9, стр. 60). Из приведенного перечня этнических определений можно заключить, что все исследователи рассматривают существование могильников с различной формой могильного сооружения как отражение этнической разновидности населения Семиречья усуньского времени, что засвидетельствовано в письменных источниках. Этнические сопоставления, как правило, недостаточно аргументированы, и в литературе отсутствуют обоснования принципов для отождествления археологических памятников.

Накопление нового материала дает возможность поставить вопрос о пересмотре этнических отождествлений памятников Семиречья усуньского времени в целом. При этом мы считаем необходимым отвлечься от существующих определений и руководствоваться следующими принципами: рассмотреть все известные на данной территории типы погребальных сооружений и их инвентарь интересующего нас времени и выделить из них основные типы, определить ареалы этих типов, уточнить хронологические рамки существования их; проследить генетические связи и происхождение каждого типа и в заключение сопоставить археологические данные со сведениями письменных источников.

В могильниках чильпекского типа с грунтовыми захоронениями курганы обычно расположены цепочками. На позднем этапе такое расположение сменяется бессистемным. Другой устойчивый признак — наличие каменного кольца в основании кургана. Захоронения производились в простых грунтовых ямах, стенки которых иногда укреплялись деревом. Могилы перекрывали деревянным накатом или каменными плитами. Часто они не имеют специального перекрытия. Особый вариант составляют могилы, перегороженные наклонно поставленными жердями, называемые «заставки». Некоторые археологи видят в них прототип подбойных могил, промежу-

точное звено между грунтовой и подбойной могилами. Скелеты лежат вытянуто на спине, головой, как правило, на запад. Встречаются отклонения в ориентировке; например, в могильнике Капчигай III в долине Или значительное количество костяков лежало головой на северо-запад (25, стр. 148—154). Почти во всех могилах встречены одиночные захоронения, но известны случаи, когда под одной насыпью имеются две-три могильные ямы. Все умершие положены непосредственно на дно могилы, а не в гроб или на деревянном ложе. Обычно в могиле находятся один-два сосуда, изредка железный нож, а в женских захоронениях — единичные предметы украшения. Оружие в грунтовых захоронениях, как правило, отсутствует.

Довольно часто в могилах обнаруживают кости барана — свидетельство положения ритуальной пищи. Исключительно редко встречаются привозные вещи и изделия из драгоценных металлов. На 500 известных курганов такие находки известны только в трех-четырех могилах. В нескольких захоронениях обнаружены зерноотерки.

Глиняная посуда — лепная. Очень часто на сосудах видны отпечатки ткани, матерчатого мешка, при помощи которого изготавливали керамику. Почти вся посуда с круглым дном и обычно без украшения. Типичные формы — полусферические чаши и миски, горшки грушевидной формы, изредка имеющие петлевидные ручки.

Перечисленные признаки полностью или с некоторыми вариантами свойственны всем исследованным могильникам в долинах Или, Чарына, Таласа, Чу и Тянь-Шаня. Погребенные в грунтовых могилах усуньского времени в антропологическом отношении не представляли определенного единства. Антропологи выделили три типа: европеоидный андроновский тип, брахикраний европеоидный тип Среднеазиатского междуречья и смешанный тип — европеоидный с примесью монголоидных признаков. Первый тип, по данным мужских черепов из Семиречья, составлял 40%, второй — 31% и третий — 9%¹. Из долины Или происходят два мужских черепа монголоидного типа. Следовательно, население в расовом отношении было неоднородным. Такая неоднородность подтверждается изучением и женских черепов. Сравнительное изучение материалов из разных районов — Семиречья, Тянь-Ша-

¹ Остальные 20% составляют другие смешанные и неопределенные типы, которые не имеют отношения к нашей теме.

ня, Алая и Восточного Казахстана — показало, что население усуньского времени на этой территории существенно не различалось и было близко друг к другу.

Изучение антропологических материалов из грунтовых захоронений по хронологическим этапам усуньского периода позволяет говорить, что расовый тип населения, в общем, почти не изменился. Однако антропологи отмечают увеличение монголоидности в это время по сравнению с предшествующим сакским периодом (19).

Ареал памятников чильпекского типа с грунтовыми могилами включает все Семиречье. За пределами его, в Восточном Казахстане, в это время распространены захоронения в каменных ящиках кула-жургинской культуры (45). В Центральном Казахстане памятники усуньского времени почти не изучены. Известно всего несколько подбойных захоронений (20). В низовьях Сыр-Дарьи исследованы наземные глинобитные погребальные сооружения, а также могилы с обрядом труносожжения (41). Могильники рассматриваемого типа разделены исследователями главным образом на основании изменения керамики на три хронологические группы: III—I вв. до н. э., I—III вв. н. э. и III—V вв. н. э. (2, стр. 35); III—II вв. до н. э., I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э. (25, стр. 147). Ритуал погребения и устройство могилы во времени мало изменились, что свидетельствует об устойчивости обычаев и консервативности религиозных представлений. Обряд захоронения в грунтовых могилах представляет несомненно более раннее развитие и продолжение традиции более раннего сакского времени.

Это особенно видно при сравнении материалов могильников из долины Или Кызылауз I, относимого к сакскому периоду IV—V вв. до н. э. (5, стр. 91—101), в Капчигай III, датированного III—II вв. до н. э. (25, стр. 148—154, 175—177, 282—284).

Кызылауз I

V—IV вв. до н. э.
(по Ахмедову, 1963)

1. Могильник из раскоп. подвосточнее — 19 курганов с 27 могилами.
2. Разнообразие погребений.
3. Захоронения в грунтовой могиле.
4. Каменное кольцо под насыпью.
5. Могилы перекрыты деревом.

Капчигай III

III—II вв. до н. э.
(по Кунаеву, 1963)

- Из 52 курганов вскрыто 40, опубликовано 30 курганов.
- То же.
- 25 грунтовых и 5 подбойных могил.
- Кольцо у основания или на насыпи.
- То же.

6. 2/3 погребений одиночные, 1/3 — парные и коллективные.	Как правило, одиночные.
7. Устойчивая ориентировка на запад.	На запад и северо-запад.
8. Кости овцы.	То же.
9. Один-два сосуда.	То же.
10. Поделки из железа и бронзы в небольшом количестве.	То же.

В целом в могилах усуньского времени больше железных изделий. Формы посуды отличаются от форм сакского периода, что и является основанием для разграничения.

Тесные генетические связи памятников усуньского и сакского времени отмечаются всеми исследователями. Большое сходство могильников этих периодов обусловило появление терминов «сако-усуньские памятники», «сако-усуньская культура» (12; 41, стр. 28). На основании длительного сохранения одинаковых могильных сооружений, одних и тех же погребальных обрядов и генетического сходства инвентаря можно заключить, что захоронения в грунтовых могилах типичны для местного кочевого населения Семиречья, мало изменившегося в ходе вторжений извне.

Из сообщений письменных источников известно, что в ахеменидское время Семиречье было заселено сакскими племенами. Китайские хроники рубежа нашей эры отмечают, что, наряду с усунями, здесь обитали племена сэ (саков) и юечжей. Племена сэ принято считать потомками саков ахеменидского времени. Исходя из этого, можно предположить, что основная масса захоронений усуньского периода — захоронения в грунтовых могилах — принадлежит именно местным сакским племенам Семиречья, вошедшим в состав усуньского племенного союза.

Между тем, в нашей литературе принято после исследования М. В. Воеводского и М. П. Грязнова считать грунтовые захоронения памятниками усуньских племен. Сейчас, после накопления большого нового материала, это отождествление вызывает сомнение, и настало время или привести дополнительные обоснования, или отказаться от него.

Обряд захоронения в грунтовых могилах был распространен среди местного кочевого населения Семиречья на протя-

жении длительного периода и был известен здесь задолго до появления усуней. У нас нет никаких данных предполагать обитание усуней на территории Семиречья ранее 60-х годов II в. до н. э. По сведениям письменных источников, усунь первоначально обитали между Дуньхуаном и Цилян-шанем в Центральной Азии. Именно здесь указывается прародина усуней. Под ударами гуннов в 160 г. до н. э. усунь вслед за юечжами переселились в Семиречье. Там они подчинили местное сакское население, а также часть юечжийских племен, другая часть которых переселилась дальше — в Среднюю Азию.

Естественно предположить, что погребальный обряд и устройство могил среди усуньских племен должны отличаться в каких-то элементах от обряда местного, подчиненного ими населения. Из сказанного следует, что на территории Семиречья только те памятники могут быть признаны усуньскими, которые появляются на этой территории, начиная со II—I вв. до н. э. и коренным образом или в существенных элементах отличаются от памятников местного населения.

После переселения в Семиречье, за короткий срок численность усуней, по сообщениям источников, достигла 630 тыс., что могло произойти за счет включения в их состав местных покоренных племен. В усуньском племенном союзе сами усунь были, очевидно, сравнительно немногочисленной господствующей прослойкой или частью общества. Основную массу населения Семиречья в это время, очевидно, по-прежнему составляли местные сакские племена. Численное соотношение местного и пришлого населения, очевидно, должно было бы отразиться и в исследованных погребальных памятниках.

Следовательно, анализ памятников и конкретные исторические факты позволяют признать правильным отождествление наиболее массовых захоронений с местным сакским населением, а не с усунями — пришлыми племенами, вторгшимися на территорию Семиречья во II в. до н. э.

Рассмотрим вторую синхронную группу — памятники кенкольского типа с подбойными и катакомбными захоронениями. Ареал их включает обширные пространства юго-восточной половины Средней Азии — от Или на северо-востоке до Южной Туркмении и Южного Таджикистана. Памятники этой группы выявлены в настоящее время примерно в 140 пунктах в Семиречье, Фергане, Ташкентском и Бухарском оазисах, в долине Зеравшана, Южной Туркмении и Южном Таджикистане, а общее количество изученных курганов дос-

тигает более 1500 (4; 7; 8; 17; 23; 24; 27—29; 31; 32; 34—38; 43).

Вопрос о катакомбных и подбойных захоронениях Семиречья неразрывно связан с более общей и важной проблемой катакомбно-подбойных памятников Средней Азии, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, их роли в истории эпохи «великого переселения народов». И вполне понятно, что при рассмотрении этой группы часто приходится выходить за пределы Семиречья.

Катакомбные могилы известны в Средней Азии на территории Северной Бактрии уже в могильниках эпохи поздней бронзы (IX—VIII вв. до н. э.) (33, стр. 94). Но они не имеют прямой связи с рассматриваемыми памятниками. Наиболее ранние подбойные сооружения обнаружены за пределами Средней Азии — в Северном и Северо-Восточном Казахстане и датируются V—IV вв. до н. э. (3; 26). В Средней Азии подобные ранние могилы до сих пор не обнаружены. Между ними и захоронениями II—I вв. до н. э. существует хронологический и территориальный разрыв.

Археологические данные позволяют говорить о том, что подбойные и катакомбные захоронения появляются в большом количестве в долине р. Или и в других районах впервые во II—I вв. до н. э. Основная масса их датируется первыми веками нашей эры. Верхняя грань существования памятников доходит до V в. н. э. В течение длительного периода, со II в. н. э. и до V в. н. э., они сосуществуют с чильпокской группой. К тому же в Семиречье могилы этих основных типов встречаются на одной и той же территории и часто в одних и тех же могильниках. В долинах Или и Чарына из 34 в 13 могильниках в небольшом количестве представлены и подбойные захоронения (количественно же преобладают грунтовые могилы).

Наиболее многочисленны здесь захоронения в грунтовых ямах, которые составляют 76,7% всех изученных в долине Или курганов, а подбойные — 19%. Из 370 курганов усуньского времени, учтенных Г. В. Кушаевым, 80% содержали грунтовые могилы и 17% — подбойные (25, стр. 249, 250).

В других районах соотношение количества памятников этих основных типов варьируется. Так, в долине Таласа известно 115 грунтовых и 73 катакомбных и подбойных могил, что составляет примерно 60 и 40% (23, стр. 59). Приблизительно такое же соотношение на Тянь-Шане, где, по матери-

алам А. Кибирова, известно более 100 грунтовых и около 50 синхронных им подбойных и катакомбных могил (21).

В могильниках с господствующим обрядом подбойных и катакомбных захоронений часто в небольшом количестве встречаются грунтовые могилы, например: в известном Кенкольском могильнике в долине Таласа (10), Карабулак в Южной Фергане (7), Тулхар в Южном Таджикистане (31).

Катакомбные и подбойные памятники, по имеющимся сейчас данным, генетически не связаны с могильниками предшествующего сакского периода на территории Средней Азии. Вопрос о происхождении катакомбно-подбойных захоронений, о том, откуда они появились в Средней Азии, остается открытым.

Рассматриваемая группа резко отличается от захоронений в грунтовых ямах не только своеобразием устройства могилы и инвентаря, но также рядом деталей в ритуале и по материальной культуре. Это наглядно видно из сравнения катакомбного могильника Кенкол в Таласе (10, 23) с синхронными памятниками правобережья Или (6) и той же долины Таласа.

Кенкол — II—IV вв. н. э. (Талас)
(по Бернштаму—Кожомбердиеву)

1. Около 100 земляных курганов, в том числе — 48: 41 — катакомба, 6 — грунтовых могил, 1 — сырцовый кирпич.
2. Расположение бессветное.
3. Погребла — каменные выкладки под погребом.
4. Ориентация погребенных разная (д., Ю, СВ, ЮВ и др.).
5. Отдельные и коллективные захоронения.
6. Положение покойника на деревянном ложе, в гроб или на каменных плитах на полу.
7. Ритуальная пища — мясо барана.
8. Мужские захоронения с оружием.
9. Женские — с разнообразным набором украшений.
10. В могилах встречаются привозные вещи.

Правобережье Или II—III вв. н. э.
(по Кушаеву)

Раскопано в 7 могильниках 44 кургана с 47 могилами;
37 — грунтовые, 10 — подбойные.

То же, частично цепочкой.

То же.

Устойчивая ориентировка на запад.

Как правило, одиночные.

Умершие положены непосредственно на дно могилы.

То же.

Оружие отсутствует.

Общая бедность инвентаря.

Как правило, отсутствуют привозные вещи.

Различаются также формы глиняной посуды.

Керамика из катакомб и подбоев, как правило, плоскодонная. Часто встречаются сосуды с прорезным орнаментом. Своеобразны формы кувшинов, выючных фляг, курильниц, резко отличающиеся от набора сосудов в грунтовых захоронениях. Значительно больше керамики, изготовленной на гончарном круге. Только в катакомбах и подбоях обнаружены деревянные столики и деревянная посуда.

Катакомбно-подбойные захоронения отличаются от грунтовых также распространением обычая прижизненной деформации головы, который является важным этническим признаком. У большинства погребенных в Кенколе отмечена искусственная деформация черепа (16). Подобное явление выявлено в курганах Тянь-Шаня (14), Ташкентского оазиса (18), Ферганы и Алая (15) и в могильнике Аруктау и других в Южном Таджикистане (22). Широкое распространение этого обычая среди населения, хоронившего в катакомбах и подбоях, можно считать показателем стремления представителей этой этнической группы как-то выделить себя. В грунтовых могилах подобный обычай не засвидетельствован. Наблюдается и определенное различие в расовом типе погребенных в этих двух группах. По составу антропологических типов катакомбно-подбойные захоронения мало отличались от памятников первой группы. Основное различие между ними заключается в количественном преобладании в катакомбах и подбоях монголоидного компонента, людей монголоидного и смешанного европеоидного с примесью монголоидных черт типа, так называемого кенкольского типа. Этот метисированный тип встречен в ряде могильников. Он сложился в области длительного контакта европеоидной и монголоидной рас, вероятнее всего, в Центральной Азии и Восточном Туркестане. Все это говорит о значительно большем участии пришлого населения с востока в формировании этнического облика племен с катакомбными и подбойными захоронениями.

Таким образом, на территории Семиречья в усуньский период II в. до н. э. — V в. н. э. выделяются две основные этнические группы, одну из которых составляло местное сакское население, а вторую — пришлые племена. Относительно этнической принадлежности погребенных в катакомбах и подбоях высказаны разные и противоречивые суждения. Также не существует единого мнения о происхождении их.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предполагать, что обряд захоронения в катакомбах и подбоях привнесен в Среднюю Азию извне. Появление нового погребального обряда возможно в двух случаях: при изменении религиозных верований или при появлении нового населения. Для усуньского периода смена или изменение религиозных представлений не отмечена по археологическим данным и сведениям письменных источников. Поэтому имеются основания связать появление нового погребального обряда, а также усиление монголоидных элементов в расовом типе с вторжением пришлого населения. Необходимо учитывать широкое распространение катакомбных и подбойных памятников на территории Средней Азии и за ее пределами — в Нижнем Поволжье и Восточном Туркестане. Эти памятники широко распространяются почти одновременно в разных частях указанной территории в последних веках до нашей эры (ранние подбои V—IV вв. до н. э. известны только в Поволжье и в Северном Казахстане). Маловероятно, чтобы у разных племен и народов независимо и почти одновременно могла появиться и бытовать одинаковая форма погребального сооружения и сходный ритуал погребения.

Можно предполагать, что катакомбные и подбойные захоронения в Средней Азии появились в результате переселения чужеземных племен. Затем в течение 600—700 лет пришлые племена жили одновременно с местным населением.

Сопоставление археологических данных о распространении и времени появления катакомбных и подбойных захоронений с сообщениями письменных источников о вторжении в Семиречье юечжей и усуней приводит нас к предположению о связи этих памятников с усуньскими и юечжийскими племенами. С этими народами можно сопоставить только такие памятники, которые распространены в Семиречье, но встречаются также и на территории Средней Азии. Дело в том, что, по сведениям источников, эти племена наряду с другими участвовали в борьбе с Греко-Бактрией и в создании Кушанского государства. Этому условию и отвечает отождествление катакомбных и подбойных памятников с юечжами и усунями. Распространение указанных памятников на территории Средней Азии можно рассматривать как отражение происходивших в этот период передвижений кочевых народов. Дополнительным подтверждением может служить распространение обычая искусственной деформации головы среди

кушан (юечжей), засвидетельствованное изображениями на кушанских монетах (42, стр. 179 и сл.).

Проблема сопоставления осложняется тем, что повествуящие о падении Греко-Бактрии античные источники упоминают только о племенах, вторгшихся из-за Яксарта (Сыр-Дарьи), в то время, как по китайским хроникам племена, принимавшие участие в этом событии, появились из Центральной Азии. Попытки примирить противоречивые сведения источников привели к созданию концепции о вторжении с двух сторон: с севера и с востока.

При решении вопроса об этнической принадлежности следует учитывать, что в это же время катакомбные и подбойные могилы встречаются среди сарматских племен. Сарматские захоронения, несмотря на общее сходство со среднеазиатскими, по ряду признаков отличаются от них. Возможно, что часть рассматриваемых памятников Средней Азии, как, например, могильники Бухарского оазиса и Южной Туркмении, больше связаны с сарматами. Не исключено, что в дальнейшем удастся выделить среди среднеазиатских захоронений группы разного происхождения — одну, связанную с востоком (юечжами и усунями), и другую — с севером (сарматами).

Известное единообразие и общность культуры кочевников Средней Азии и сарматских племен были обусловлены особенностями кочевого хозяйства, культуры и быта, их тесными взаимосвязями, а также происхождением от родственных сако-массагетских и савроматских племен. Все они относились к группе ираноязычных племен.

Предполагаемое сопоставление захоронений Семиречья с усунями и юечжами является гипотезой, требующей дальнейшего обоснования и доказательств. Окончательное решение проблемы возможно лишь при появлении данных о погребальных памятниках на прародине усуней и юечжей в Центральной Азии, относящихся к периоду, предшествующему их появлению в Семиречье.

В Центральной Азии, в районе оз. Лобнор, исследованы могильники с катакомбами и подбойными захоронениями (44), имеющими сходство с семиреченскими. Погребальный инвентарь беден. Наряду с местными формами посуды, здесь найдены кубковидные кружки с прямыми стенками и петлевидной ручкой. Эта форма сходна с подобными сосудами из сако-усуньского могильника Кзылауз I. Другая форма, шаровидная кружка с петлевидной ручкой, также имеет аналогии

в Кызылаузе и в грунтовых могилах Или усуньского времени. Кроме того, имеются большие сосуды с волнистым прорезным орнаментом, близкие сосудам Кенкола. Сопоставление лобнорских и семиреченских памятников позволяет говорить об их одновременности, о том, что в рассматриваемое время в Восточном Туркестане были распространены сходные со среднеазиатскими типы захоронения.

Установление тесных связей и соперничество между юечжамн и усунями восходит еще к периоду обитания их в Центральной Азии. В результате соседства уже в то время могла появиться некоторая общность в культуре этих племен. На древних землях усуней и юечжей, в могильниках оз. Лобнор обнаружены одновременные подбойные и катакомбные захоронения. Сосуществование этих двух типов захоронений отмечено и в ряде районов Средней Азии — долине Таласа, на Тянь-Шане, в Фергане и Бухарском оазисе. В настоящее время у нас нет оснований для дифференциации катакомбных и подбойных памятников и отождествления их с тем или иным племенем. Можно надеяться, что дальнейшее исследование, статистическая обработка материала и картографирование позволят уточнить сопоставление, связав каждый из вариантов захоронений с определенным этническим объединением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абетеков А. К. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины, — в кн. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана», Фрунзе, 1967.
2. Агеева Е. И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области, — ТИИАЭАН КазССР, 1961, т. 12.
3. Агеева Е. И. и Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г., — ТИИАЭАН КазССР, 1959, т. 7.
4. Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская, — ИМКУ, 1961, вып. 2.
5. Акишев К. А. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв до н. э.), — в кн. К. А. Акишев и Г. В. Кушасев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963.
6. Акишев К. А. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г., — ТИИАЭАН КазССР, 1956, т. 1.
7. Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник, — ИАН КиргССР, СОН, 1961, т. 3, вып. 3.
8. Баруздин Ю. Д. и Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия), Фрунзе, 1962.
9. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952 (МИА, № 26).
10. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник, Л., 1940.
11. Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья в Тянь-Шаня, — СА, 1949, т. XI.
12. Бернштам А. Н. Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины, — в кн. «Чуйская долина», М.—Л., 1950 (МИА, № 14).
13. Воеводский М. В. и Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории усуней, — ВДИ, 1938, № 3.
14. Гинзбург В. В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.), — ТИЭ, 1954, т. 21.
15. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии (вторая половина I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.), — ИАН КиргССР, СОН, 1960, т. 2, вып. 3.
16. Гинзбург В. В. и Жиров Е. В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас КиргССР, — СМАЭ, 1949, т. 10.
17. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области, Фрунзе, 1960, стр. 116 (указаны основные публикации до 1960 г.).
18. Зезенкова В. Я. Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская, — ТМНУ, 1951, вып. 1.
19. Исмагулов О. Антропологическая характеристика усуней Семиречья, — ТИИАЭАН КазССР, 1962, т. 16.
20. Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана, — ТИИАЭАН КазССР, 1959, т. 7.
21. Кибиров А. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, — ТКиРАЭЭ, 1959, т. 2.
22. Кияткина Т. П. Череп из могильника Арук-Тау (Таджикистан), — ТИЭАН СССР, 1961, т. 71.

23. Қожомбердиев И. (Катакомбные памятники Таласской долины, — в кн. «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963.
24. Крашенинникова Н. И. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского сазиса. — ТТашГУ, 1966, вып. 295.
25. Кушаев Г. В. Культура усуней правобережья р. Или (III в. до н. э.—III в. н. э.), — в кн. К. А. Акишев и Г. В. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963.
26. Кушаев Г. В. Ранние погребения Алакульской впадины, — в кн. «Новые в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.
27. Латынин Б. А. Некоторые итоги Ферганской экспедиции 1934 г., — «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», 1961, вып. 3.
28. Литвинский Б. А. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г., — ТИИАН ТаджССР, 1961, т. 27.
29. Лоховиц В. А. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении, — в кн. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
30. Максимова А. Г. Усуньские курганы левобережья р. Или, — ИАН КазССР. Серия ист., археол. и этногр., 1959, вып. 1.
31. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию, Л., 1966, (МИА, № 136).
32. Мандельштам А. М. Некоторые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху, — ИАН ТуркмССР, 1963, № 2.
33. Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, Л., 1968 (МИА, № 145).
34. Обельченко О. В. Могильник Аждар-Тене, — ИМКУ, 1962, вып. 3.
35. Обельченко О. В. Курганы около селения Хазара, — ИМКУ, 1963, вып. 4.
36. Обельченко О. В. Сазаганские курганы, — ИМКУ, 1965, вып. 6.
37. Обельченко О. В. Погребение сарматского типа под Самаркандом, — СА, 1967, № 2.
38. Сорокин С. С. Боркорбазский могильник, — ТГЭ, 1961, т. 5.
39. Тереножкин А. И. (рец. на ст.) М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники, — ИУзФАН СССР, 1941, № 2.
40. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., — ТХЭ, 1958, т. 2.
41. Толстов С. П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий, — ВДИ, 1963, № 2.
42. Трофимова Т. А. Изображение эфталитских правителей на монетах и обичай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности, — в кн. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
43. Тургунов Б. А. Айртамский могильник, — ОНУ, 1968, № 8.
44. Хуан Вэнь-би. Гаочанская керамика, Пекин, 1931 (на кит. яз.).
45. Черников С. С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г., — ИАН КазССР. Серия археол., 1951, вып. 3.

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ КАНГЮЯ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ, 1997*

Древний Кангюй — крупное государственное объединение кочевников и оседло-земледельческих областей древнего периода (II в. до н. э. — середина V в. н. э.), охватывавшее значительную часть Среднеазиатского междуречья. История Кангюя изучается в отечественной науке уже на протяжении около 140 лет, начиная с 1851 г., когда вышел в свет известный труд Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) — переводы китайских хроник «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

В данной работе будет дан общий обзор истории изучения Кангюя за весь указанный период и рассмотрены два вопроса: 1. О локализации Кангюя и пяти подвластных ему владений и 2. Об археологических памятниках, которые могут быть отнесены к населению Кангюя.

Длительный период изучения Кангюя основывалось на анализе и комментировании кратких сообщений китайских хроник. Выдающийся труд Н. Я. Бичурина (1851 г.) — наиболее полный для своего времени свод сведений китайских источников, который по точности перевода превосходит не только современные ему, но и многие аналогичные позднейшие работы западно-европейских ученых. Н. Я. Бичурин обогатил русскую науку, введя в оборот огромный фактический материал по древней истории Средней Азии. Он первый определил местоположение Кангюя в степях к северу от Сыр-Дарьи.¹

В известных трудах русских историков В. В. Григорьева, 1873 год², Н. А. Аристова, 1896 г.³, Н. А. Бронникова, 1914 г.⁴, Г. Е. Грумм-Гржимайло, 1926 г.⁵, В. В. Бартольда, 1927 г.⁶ находят разделы о древнем Кангюе, о местоположении его, политических событиях, об этнической принадлежности кангюйцев, сопоставление кангюйцев со средневековыми племенами (канглы) и другие сведения.

Первый период изучения Кангюя преимущественно по нарративным источникам заканчивается в середине 30-х годов нашего столетия, когда советские археологи приступили к систематическому исследованию памятников древности на территории Средней Азии, в Ташкентском и Хорезмийском оазисах, в степях Южного Казахстана.

* Работа публикуется впервые.

Второй период охватывает 1935—1967 гг. Более 50 лет тому назад ленинградский археолог Г. В. Григорьев осуществил первые раскопки на городище Каунчи в Ташкентском оазисе и выделил своеобразную культуру древних земледельцев — комплекс Каунчи. В первой публикации в историческом истолковании он обращается к сообщениям о Кангюс⁷. Исследованные возле поселений курганы Г. В. Григорьев относил к кочевому населению I—III вв. н. э.⁸.

Другой ленинградский археолог А. Н. Бернштам в 1938—1939 гг. начал раскопки могильника Берккара вблизи хребта Каратау в Южном Казахстане. Он датировал Берккару III—I вв. до н. э. и считал этот могильник типичным памятником кочевых кангюев⁹.

В эти же годы известный московский археолог С. П. Толстов разворачивает изучение древних культур Хорезма и приходит к выводу, что Хорезм составлял политическое ядро Кангюя и соответственно он выделил отдельный кангюйский период IV в. до н. э. — I в. н. э. в истории древнего Хорезма¹⁰. Итак, уже на начальном этапе археологического изучения памятники трех областей — Ташкентского оазиса, Южного Казахстана и Хорезма были сопоставлены с культурой населения Кангюя.

В ходе дальнейших исследований, в 40—50-х годах были выявлены синхронные памятники в соседних районах. Так экспедиция С. П. Толстова открыла древние поселения в низовьях Сыр-Дарьи, выделенные затем в особую джеты-асарскую культуру¹¹. В Южном Казахстане экспедиция А. Н. Бернштама в Отрарском оазисе и в долинах Каратау обнаружила и частично исследовала памятники времени Кангюя, которые составили кангюйско-каратаускую культуру¹². А. Н. Бернштам в работе 1950 г. рассмотрел ряд узловых вопросов кангюйской проблемы, в частности, проблему локализации Кангюя и высказался против отождествления Кангюя—Хорезм. Он отметил сходство материалов синхронных могильников и поселений и впервые поставил вопрос о существовании кочевых и оседлых кангюев. Эта статья представляет значительный вклад в разработку кангюйской проблемы, как первый опыт историко-археологического синтеза.

В Ташкентском оазисе продолжалось изучение могильников и поселений культуры Каунчи. В 1950 г. А. И. Тереножкин высказал предположение, что комплекс Каунчи характеризует культуру древнего государства Кангюй¹³.

Таким образом, в трех рассматриваемых областях в бассейне Сыр-Дарьи были выявлены многочисленные оседлые поселения времени Кангюя. На окраине земледельческих оазисов, да и возле поселений зарегистрированы сотни одновременных им могильников кочевников или древних скотоводов. Все это указывало на тесное сосуществование населения разнородного по культуре и образу жизни. Обширные археологические материалы открывали новые возможности для изучения культуры Древнего Кангюя, которые частично были реализованы значительно позднее. Особо следует отметить работу Л. А. Мацулевича (1947), в которой рассматриваются известия китайских источников о Кангюе на широком историческом фоне.

Важный этап в разработке кангюйской проблемы составил труд С. Г. Кляшторного (1964). В нем проанализированы все известия о Кангюе в разнородных исторических источниках, критически разобраны опубликованные точки зрения о локализации Кангюя и об их этнической принадлежности. В противовес мнению Н. А. Аристова и А. Н. Бернштама о тюркоязычности, обосновано суждение о принадлежности кангюйцев к кругу иранских кочевых народов. Работа С. Г. Кляшторного подвела итоги историко-филологическим исследованиям проблемы Кангюя в отечественной науке¹⁵.

Третий — современный этап изучения начинается в 1967 году. К. Акишев в статье по истории советской археологии Казахстана констатировал, что предложенные А. Н. Бернштамом датировка и заключение о принадлежности кангюйцам могильника Берккара и ныне представляются убедительными¹⁶. В том же 1967 г. Б. А. Литвинский пересматривает материалы могильников Каунчинской культуры и также высказывает гипотезу о принадлежности их населению Древнего Кангюя¹⁷.

Опыт первого обобщения накопленных археологических материалов удачно осуществила Л. М. Левина в диссертации 1967 г. (вышла книгой в 1971 г.)¹⁸. Она систематизировала данные по трем культурам в долине Сыр-Дарьи — джеты-асарской, отрарско-каратауской (кангюйско-каратауской по А. Н. Бернштаму) и каунчинской. Основу ее труда составляет классификация керамических материалов по трем периодам. Исследование Л. М. Левиной, несомненно, составило важный этап в интерпретации археологических культур долины Сыр-Дарьи. Она, в частности, правильно обрисовала общий ареал влияния каунчинской культуры в Среднеазнат-

ском междуречье. Однако об этнической атрибуции носителей трех культур суждения Л. М. Левиной весьма неопределенны. О джеты-асарской вообще ничего не сказано, а две другие предположительно связываются либо с юечжами, либо с потомками местного кангюйского населения.

В последние десятилетия продолжается накопление археологических материалов в разных областях. И при этом, что очень существенно для нашей темы, выявлены новые данные о значительном влиянии каунчинской культуры в долине Зеравшана и в Бухарском оазисе (С. К. Кабанов¹⁹, В. А. Нильсен²⁰, О. В. Обельченко²¹, М. Е. Массон²², Б. Ураков²³, Р. Сулейманов²⁴, Г. А. Пугаченкова²⁵ и др.).

В 1977 г. К. Акишев полностью принимает выделение Л. М. Левиной трех культур в долине Сыр-Дарьи и высказывает свое заключение об этнической их принадлежности. Все они, по его мнению, представляют варианты кангюйской культуры, культуры древних кангюев. При этом он уточняет: «В сложении кангюйской культуры приняли участие как оседлые, так и кочевые племена. Но роль каждого из них не была одинакова»²⁶. Роль оседло-земледельческого населения в истории Кангюя явно им преувеличена.

Совсем иное находим в обобщающем труде в серии «Археология СССР» (1985 г.). Здесь вместо большого Кангюя — могущественного государства древности, имеется лишь раздел о культуре Ташкентского оазиса, который обычно отождествляется с Юеши — одним из пяти подчиненных Кангюю владений.

В главе о Хорезме утверждается, что «современные исследования не подтверждают концепции С. П. Толстова о существовании в первые века до н. э. мощного Кангюйского объединения, центром которого был Хорезм»²⁷. В заключение ко всему тому неправомерно сопоставлены государства разного масштаба — Хорезм, Давань, Кангюй! В этой книге, как видим, роль и значение Кангюя не получила надлежащей оценки.

Ознакомление с литературой вопроса позволяет определить состояние изученности кангюйской проблемы и выявить наличие серьезных противоречий по многим аспектам интерпретации письменных и археологических источников. Особо это касается погребальных памятников. До сих пор не установлены признаки, позволяющие разграничить могильники и поселения кочевого и оседло-земледельческого населения Кангюя, что затрудняет решение ряда вопросов кангюйской ис-

тории. И, самое главное, история Кангюя не стала объектом специального исследования, для чего в настоящее время накоплен достаточный материал. Первая попытка оценить состояние изученности и наметить пути дальнейшего исследования истории культуры Кангюя в целом сделана автором в докладе на заседании в Государственном Эрмитаже, посвященном 100-летию со дня рождения Л. А. Мацулевича (ноябрь, 1986 г.).

При решении любых вопросов кангюйской проблемы необходимо учитывать следующие специфические особенности Кангюя: 1. На основании сообщений источников о расстояниях до кангюйских владений следует полагать исключительно большие размеры государства Кангюй. 2. Кангюй, по данным китайских хроник, как самостоятельная политическая единица, существовал на протяжении около 600 лет (II в. до н. э. — середина V в. н. э.). Такая устойчивость государственности была типичной для среднеазиатской древности (Давань, Усуни, Парфия, Кушаны). 3. Тесное сосуществование в рамках единого государства кочевого и оседло-земледельческого населения. 4. Кангюйцы, очевидно, являлись коренным населением края в отличие от усуней и юечжей, которые переселились со своей прародины в Центральной Азии. Перечисленные обстоятельства особенно важно учитывать при анализе археологических материалов.

Спорные вопросы локализации Кангюя

По сведениям китайских хроник Ши цзи и Цяньханьшу (I в. до н. э. — I в. н. э.) Кангюй располагался по соседству с усунями, смежно с владением Давань (Фергана). На юге они признавали власть юечжей, на востоке — хунну. На северо-западе Кангюй граничил с большим кочевым владением Яньцай. В зависимости от него находились пять небольших владений Юни (Юени), Сусье, Фуму, Ги (Цзи), Юегянь (Юецзянь). По данным более поздней Хоуханьшу, территория Кангюя значительно увеличилась и на юге он граничит с Аньси (обычно отождествляют с Парфией) и ему подчиняется владение Суи (в Согде?). Кроме того, на северо-западе Кангюй подчинил Яньцай и Янь. Всего, таким образом, стало 8 зависимых владений. Приведенные сообщения позволяют определить в общих чертах границы Кангюя. Многие зависят от локализации малых владений. Но как раз по этому вопросу среди ученых имеются значительные расхождения.

Суммируя высказанные суждения, можно выделить четыре основные точки зрения:

1. Кангюй занимал степи к северу от Сыр-Дарьи — земли Большой и Средней казахской орды — Бичурин, 1851; В. В. Григорьев, 1873 вносит уточнение: кангюйцы обитали на территории Тургайской области, Яньцай — в Уральской области; Киргизского края.

2. Кангюйцы кочевали между Иртышом и Сыр-Дарьей, но временами их власть распространялась за эти пределы — Г. Е. Грумм-Гржимайло, 1926. Он как бы уточняет восточные пределы Кангюя, где они могли подчиняться хунну. Вариантом этой локализации является оригинальное, но слабо аргументированное мнение Л. Н. Гумилева (1960) о местонахождении Кангюй в степях Восточного Казахстана, между оз. Балхаш и Иртышом, на востоке они граничат с Тарбагатаем, на западе — с Яньцай (Приаралье). Все пять небольших владений располагаются на северном берегу р. Чу²⁸.

3. Центр Кангюя на Средней Сыр-Дарье. Малые владения А. Н. Бернштам (1950, 1951²⁹, 1952³⁰) отождествляет следующим образом:

Юени — Ташкентский оазис — культура Каунчи.

Сусье — Средняя Сыр-Дарья — (Отрарский оазис) — кангюйско-каратауская культура.

Фуму — Куван и Жапа-Дарья — джеты-асарская культура.

Ги — низовья Сыр-Дарьи — культура болотных городищ.

Юстянь — Ургенч (Хорезм).

Идентификация А. Н. Бернштама представляет собой уточнение и развитие традиционной локализации Кангюя в долине Сыр-Дарьи и в прилегающих степях. При этом он обратил особое внимание на сообщение хроники, что Кангюй пребывает в стране Лоюени. Отсюда было сделано заключение, что название племен кангюй не совпадает с именем страны, государства. При этом Лоюени, Юени и Сусье он локализует на Сыр-Дарье и Каратау и в прилегающих с севера степях. Вместе с тем в статье А. Н. Бернштама имеется существенное противоречие. В одном месте, перечисляя пять зависимых владений, он пишет, что эти коренные земли Кангюй были на Сыр-Дарье и Каратау (с. 95), в другом случае утверждает, что коренные земли Кангюй не совпадают с малыми владениями и находились северо-восточнее их (с. 91). Вопрос о коренных землях кангюев остается открытым в си-

лу неопределенности сообщений источников. Несмотря на это, были сделаны попытки точно локализовать страну Лоюени в низовьях Чу и Сары-Су и в горах Улу-Тау (А. Х. Маргулан³¹) или в низовьях Таласа (Л. И. Ремпель³²). Но все это не выходит за пределы догадок и предположений. Особо отметим, что А. Н. Бернштам еще в 1951 г. первым предложил сопоставление зависимых от Кангюя владений с конкретными археологическими памятниками и культурами.

4. Кангюй располагается на территории Среднеазиатского междуречья. Еще в 1896 г. Н. А. Аристов высказал мысль, что зимняя ставка правителя Кангюя была около Сыр-Дарьи, летняя — в горах Улу-Тау. Не приводя каких-либо доводов, он отождествляет пять владений Кангюя с Ташкентом, Самаркандом, Кермине, Бухарой и Хивой. Специалист по исторической географии Н. А. Бронников (1914) впервые отождествление основывает на сопоставлении сведений ханьских и более поздних китайских источников и на анализе указанных в источнике расстояний. Он сопоставил Юени с Ташкентом, Сусйе — с Шахрисябзом, Фуму — с Бухарской волостью, Юегянь — с Ургенчем (Хорезм). Вопрос о местонахождении Ги оставлен открытым. Академик В. В. Бартольд, также, как Н. А. Бронников, отождествляет Юени, Сусйе, Юегянь. Несколько отличается его локализация Фуму — с Кушанией на Зеравшане. Ги сопоставлено с Бухарой, как у Н. А. Аристова. Точка зрения С. П. Толстова (1948 г.) практически не отличается от суждений В. В. Бартольда (в локализации Сусйе—Кеш-Шахрисябз).

Рассмотренные четыре точки зрения могут быть сведены к двум. Сторонники первой локализуют Кангюя в долине Сыр-Дарьи и в прилегающих степях. При этом некоторые неправомерно далеко отодвигают восточную границу — до Балхаша и Иртыша, тогда как имеются определенные основания заключить, что она проходила по долине Таласа. Приверженцы второй утверждают о распространении власти кангюйцев на обширной территории Среднеазиатского междуречья. В 1964 году С. Г. Кляшторный, критически разбирая точки зрения о локализации Кангюя С. П. Толстова и А. Н. Бернштама, пришел к выводу, что обе они не вполне обоснованы. Но своего мнения он не высказал, ограничиваясь осторожным заключением об общих контурах Кангюйской империи, охватывающей север Среднеазиатского междуречья³³.

В 1965 г. автор этих строк высказал предположение, что весьма возможно, на раннем этапе истории Кангюя, их вла-

ления были сосредоточены в бассейне Сыр-Дарьи (и это соответствует первой гипотезе), а в период возросшей мощи Кангюйского государства его территория увеличилась и включила ряд районов Среднеазиатского междуречья (и правы сторонники второй гипотезы)³⁴. Факт изменения ареала Кангюя подтверждается сообщениями китайских хроник, о чем уже было выше сказано. Из всего сказанного вытекает, что историко-филологические исследования позволяют обрисовать границы владений Кангюя только в общих чертах. Источники не позволяют однозначно определить локализации. Не вызывают сомнений только отождествления Юени и Юегяна с Ташкентом и Хорезмом. Для решения вопроса, как справедливо отмечал еще А. Н. Бернштам, необходимо привлечение дополнительных и прежде всего археологических данных.

Археологические памятники древнего Кангюя

До сих пор этот вид источников недостаточно привлекался для изучения проблем Кангюя в целом или же обращали внимание на материалы одного или нескольких районов. Автор считает необходимым рассмотреть известные археологические данные в пределах всей предполагаемой территории от Хорезма на северо-западе и до Таласа на востоке, от Каратау на севере и до Бухарского оазиса на юге. На этой территории в настоящее время изучено большое количество памятников оседлого и кочевьего населения. Остановимся в данной статье, главным образом, на погребальных памятниках кочевников. Сразу же оговорим, что состояние археологической изученности и неравномерность исследований по территории и хронологическим этапам позволяет только поставить вопросы исторической интерпретации.

Погребальные памятники кочевников времени существования Кангюя (II в. до н. э. — середина V в. н. э.) и на предполагаемой территории Кангюя выявлены в следующих географических районах:

1. Ташкентский оазис. Памятники долин Келеса—Чирчик—Ангрена составляют каунчинскую археологическую культуру, которой посвящена большая литература (Г. В. Григорьев, Л. М. Левина, Б. А. Литвинский и др., а также новейшие труды Ю. Ф. Бурякова, 1982 г.³⁵, М. И. Филанович, 1983 г.³⁶). В рассматриваемый период здесь были распространены разные типы погребальных памятников с захоронени-

ямн в катакомбах, подбоях, грунтовых ямах, а также в склепах. Во многих случаях в одних и тех же могильниках представлены сооружения разных видов.

Специфическая особенность топографии памятников Ташкентского оазиса заключается в расположении многих могильников рядом с синхронными поселениями. При этом материальная культура их, главным образом, керамика, сходна или порой даже идентична. Одни археологи эти могильники рассматривают как погребения кочевого населения. Другие, основываясь на факте сходства материалов поселений и могильников, говорят о принадлежности захоронений в катакомбах и подбоях оседлому, городскому населению. Иногда одни и те же захоронения определяют по-разному. Подчеркнем, что именно эти памятники, как считают А. И. Тереножкин и Б. А. Литвинский, характеризуют культуру древнего населения Кангюя. Возникает необходимость разграничения погребальных памятников оседло-земледельческого и кочевого населения Кангюя. Затем сталкиваемся с еще более сложным вопросом. Известно, что обряд захоронения в катакомбах и подбоях в Ташкентском оазисе, как и в других районах Средней Азии, широко распространяется, начиная, примерно, со II—I вв. до н. э. и они не имеют здесь местных корней.

Правда, в южных областях Средней Азии катакомбный обряд был известен еще в эпоху бронзы II тыс. до н. э. (Сапалли, Джаркутан). Но между этими памятниками и могильниками античного периода существует огромный разрыв во времени. Отметим, что многолетние поиски каких-то центров происхождения, откуда бы этот обряд был привнесен в Среднюю Азию, ни к чему не привели. Между тем, в древний период (начиная с IV—II вв. до н. э.) катакомбный обряд становится характерным для многих североиранских кочевых (скотоводческих) племен, обитавших на обширных просторах степей от Восточного Туркестана и до Волги. Учитывая все сказанное, остается только одна возможность объяснить изменения в погребальном обряде и столь широкое распространение нового обряда — только кардинальными изменениями в идеологии древних кочевников на этой обширной территории.

В таком случае нет необходимости появления катакомб и подбоев обязательно связывать с приходом нового населения. Поэтому каушчинские памятники можно рассматривать как типичные для определенной части кочевого населения Кангюя, наряду с которыми существовали и другие.

Сложные вопросы этнической и культурной атрибуции могильников Ташкентского оазиса до сих пор не решены и являются предметом споров. Поэтому преждевременно говорить об особенностях погребального обряда кангюйцев конкретно Ташкентского оазиса (населения кангюйского владения Юени).

2. Долина Таласа. Здесь обнаружена группа могильников с захоронениями в катакомбах с длинным и узким дромосом с поперечным расположением погребальной камеры. Эталонный могильник — Кенкол. Именно с раскопок А. Н. Бернштама этого могильника в 1938 г.³⁷, почти полвека тому назад, проявилось особое внимание к изучению катакомбных захоронений в среднеазиатской археологии. Датировка Кенкола и аналогичных могильников претерпела существенные изменения. Дата А. Н. Бернштама была пересмотрена С. С. Сорокиным — II—IV вв. н. э.³⁸ и И. Кожомбердиевым³⁹ — I—V вв. н. э., но при всех изменениях время Кенкола не выходит за хронологические пределы существования государства Кангюя.

В долине Таласа изучены также синхронные Кенколу могильники с грунтовыми ямами, перекрытые каменными плитами или деревянным накатом, с широтной ориентировкой. Датируются они первыми веками н. э. Кстати, Л. М. Левина не обратила внимание на эти памятники, а они существенно меняют представление о культуре кочевников Таласа. Население, хоронившее в таких могилах, несомненно автохтонное, поскольку в обряде и в инвентаре прослеживается преемственность с местными племенами предшествующего сакского времени. Слабая изученность не позволяет однозначно решить вопрос об их этнической атрибуции — усуням или кангюям⁴⁰. К этому следует добавить, что количественно в Таласе преобладают грунтовые могилы. Соотношение грунтовых и катакомбных захоронений составляют примерно 60 : 40%⁴¹. Если первые принадлежат местному кочевому населению — усуням или кангюям, которые сохранили традиционный обряд более раннего — сакского периода, то отличающиеся от них катакомбные могильники возможно связывать с теми кочевниками, которые придерживались иного — нового обряда.

Вопрос об этнической принадлежности Кенкола, как известно, спорен и остается открытым. Для нашей работы важно отметить, что факт значительного сходства кенкольских памятников Таласа с каунчинскими широко признан в литера-

туре. Так Л. М. Левина даже рассматривает их как северо-восточную периферию каунчинской культуры. Отмеченное сходство, по-видимому, можно оценить как проявление значительной близости и культурной общности носителей каунчинской и кенкольской культур, принадлежности их родственным кангюйским племенам.

Поскольку в долине Таласа пока не открыты поселения, синхронные упомянутым могильникам, их принадлежность кочевому населению не вызывает сомнения. Также, как в Ташкентском оазисе, в Таласе обнаружены разнотипные захоронения в катакомбах, подбоях (их пока немного) и в грунтовых ямах. Наибольшее сходство наблюдается в катакомбных могилах обеих областей.

3. Средняя Сыр-Дарья и долины Каратау. Район охватывает обширную территорию от низовьев Таласа—Чу на севере и до Сыр-Дарьи на юге. Здесь распространены памятники отрарско-каратауской культуры, которая была выделена А. Н. Бернштамом и позднее обстоятельно охарактеризована Л. М. Левиной преимущественно по материалам поселений. В последнее время в этом районе открыты в Борнжарском могильнике катакомбы первых веков н. э.⁴², во многом сходные с аналогичными памятниками Кенкола в Таласе и каунчинской культуры. Катакомбные захоронения выявлены также в Отрарском оазисе (Кок-Мордан и др.⁴³), а также в долине Арыси. Все эти новые материалы расширяют наши представления о культуре кочевых населения средней Сыр-Дарьи, которую обычно считают ядром древнего Кангюя. В этом районе также, как в Таласе, четко выделяются среди одновременных могильников, по крайней мере, две группы памятников. Первые — грунтовые могильники первых веков н. э. с материалами типа позднего Берккариинского могильника⁴⁴, истоки культуры которых восходят к ранним кочевникам сакского времени. Вторая — это захоронения в катакомбах, имеющих много общего с аналогичными памятниками Таласа и Ташкентского оазиса.

4. Низовья Сыр-Дарьи, где сосредоточены памятники джеты-асарской культуры. Здесь раскопаны могилы разного типа — грунтовые ямы, камеры из сырцового кирпича. В последние годы в могильнике Алтынасар-3 наряду с грунтовыми открыты погребения в подбоях⁴⁵. Об этнической принадлежности населения джеты-асарской культуры существуют разные суждения. В независимости от этого достаточно определенно проступает самобытность этой культуры, кото-

рая оказала значительное влияние на каунчинские памятники.

5. Левобережный Хорезм. В Присарыккамышской дельте в последние годы исследовано более десятка могильников с катакомбами и подбоями, которые относятся к периоду II в. до н. э. — III в. н. э., т. е. к рассматриваемому нами периоду⁴⁶. Многие из них расположены поблизости от поселений, но связывать их с оседлым населением нет оснований, поскольку для последних был характерен оссуарный обряд захоронения. Эти могильники принадлежат древним скотоводам, входившим в систему хорезмийской государственности⁴⁷. В левобережном Хорезме, как и в других районах, катакомбные и подбойные захоронения не имеют местных корней и здесь они сменяют курганы куюсайской культуры сакского времени. Имеющиеся материалы позволяют говорить об этнической разнородности древних скотоводов Хорезма.

6. Центральные Кызыл-Кумы. В последние годы здесь открыты могильники ранних кочевников, а также захоронения в подбоях II в. до н. э. — II в. н. э.⁴⁸. Эти памятники бесспорно принадлежат кочевому населению, так как в пустыне нет оседлых поселений.

7. Долина Зеравшана, в которой в нескольких пунктах на окраинах оазисов, обнаружены курганы с катакомбами. В инвентаре их представлены предметы каунчинского происхождения (Акджар, Сазаган, Кургантепе⁴⁹). Следы каунчинского влияния выявлены также в материалах поселений (Кургантепе, Булакбаши).

8. Бухарский оазис. В нескольких могильниках О. В. Обельченко исследовал курганы с катакомбами и подбоями (Хазара, Ливандак и др.), достаточно обоснованно датированные II в. до н. э. — II в. н. э. Каунчинское влияние заметно проступает в материалах ряда оседлых поселений (Кызыл-Кыр, Сеталак и др.) в Бухарском, а также в соседнем Каршинском оазисе (С. К. Кабанов, 1963; М. Е. Массон, 1973).

Имеющиеся археологические материалы, следовательно, отражают продолжительность обитания в этих районах пришлого населения, а не кратковременные вторжения. Все это позволяет говорить о реальном пребывании на территории Согда, а точнее, в долине Зеравшана, в Бухарском и Каршинском оазисах сырдарьинских племен — носителей каунчинской культуры времени древнего Кангюя. Как можно полагать, на территории Согда в первых веках н. э. не было

местных кочевых племен. Поэтому появление на окраинах земледельческих оазисов Согда и Хорезма могильников кочевников (древних скотоводов) свидетельствует о каких-то формах зависимости оседлого населения, допустившего в свои пределы пришлое население.

Подводя итоги, в настоящее время можно говорить уже о восьми географических группах погребальных памятников кочевников одного хронологического периода, между которыми наблюдается определенное сходство в конструкции погребальных сооружений и в обряде, а также в материальной культуре. На это сходство частично уже обращали внимание в литературе. Новое состоит в том, что с учетом последних данных выделяется значительно больше — восемь групп, которые охватывают обширные пространства Среднеазиатского междуречья. В совокупности они образуют некоторую общность. Особо отметим совпадение обозначенного ареала восьми групп с предполагаемыми границами Кангюйского государства.

Если это наше предположение подтвердится, то откроются новые возможности для решения вопроса о границах Кангюя и о территориальных его изменениях во времени.

Выделение указанных групп представляет первую попытку общего обзора погребальных памятников и опыт районирования их в пределах Древнего Кангюя. Многолетние исследования привели автора к убеждению о наибольшей перспективности анализа погребальных памятников кочевников в пределах естественно-исторических границ. Только тогда появляются основания для выявления общего и особенного в культуре и погребальном обряде отдельных групп кочевников. В данном случае, это может в конечном итоге привести к решению вопроса о локальных вариантах культуры кочевого населения (древних скотоводов) на территории Кангюя. Как видим, во всех группах наряду с иными типами обязательно присутствуют захоронения в катакомбах и подбоях. Поскольку они в настоящее время известны практически повсеместно в Средней Азии, во всех историко-культурных областях и древних государствах, то нет никаких оснований связывать эти могильники с каким-то одним этносом. Решать вопрос об их этнической атрибуции следует для каждого региона отдельно⁵⁰.

Как уже было сказано, не следует обязательно связывать появление этих памятников с приходом нового населения. В бассейне Сыр-Дарьи могильники кенкольского и каунчинско-

го типов, вероятно, характеризуют культуру основной или господствующей части кочевого населения Кангюя рубежа н. э. и первых веков н. э. Рядом с ними существовали и другие племена с иными погребальными обрядами. Все это свидетельствует о полиэтническом составе населения Кангюя.

Вместе с тем достаточно определенно можно утверждать, что в южных областях Средней Азии — на земли Древнего Согда, Бактрии⁵¹, а также Парфии⁵² этот обряд привнесен кочевниками с севера. Из всего сказанного явствует, что ныне археологические источники открывают новые возможности для изучения Древнего Кангюя и других государств античной Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.—Л., 1950. Т. 2. С. 152.
2. Риттер К. Землеведение Азии... Пер. и критич. примеч... В. В. Григорьева. Вып. 2. Доп. отд. 1. Ист.-геогр. Сост. В. В. Григорьев. — Сиб., 1873.
3. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. // Живая старина. Вып. 3—4. 1896.
4. Бронников Н. А. Кангюй, Канглы или Кан и Юечжы. (К ист. географии Рус.-Туркестана). // Записки Московского археол. ин-та. 1914. Т. XXXV.
5. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л. 1926. Т. 2.
6. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. 1963. Т. 2, ч. 1.
7. Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янги-юльском районе УзССР в 1934 г. — Ташкент, 1935.
8. Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении. // ИАН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1.
9. Бериштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. — Алма-Ата, 1941.
10. Толстов С. П. Древний Хорезм. — М., 1948.
11. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.—Л., 1948.
12. Бериштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. // ИАН КазССР. Сер. археол. 1949 (обл. 1950). Вып. 2.
13. Тереножкин А. И. Согд и Чач. // КСИИМК. 1950. Вып. 33.
14. Мацулевич Л. А. Алашская проблема и этногенез Средней Азии. // СЭ. 1947. Вып. VI—VII.
15. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.
16. Акишев К. А. Археология в Казахстане за советский период. // СА. 1967. № 4. С. 67.
17. Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. // СА, 1967. № 2.
18. Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тысячелетии н. э. АКД—М., 1967; она же. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи в I тысячелетии н. э. — М., 1971.
19. Кабанов С. К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв. // СА, 1963. № 1.
20. Нильсен В. А. Кызыл-Кыр. // ИМКУз. 1959. Вып. 1.
21. Обельченко О. В. Курганы около селения Хазара. // ИМКУз. 1963. Вып. 4.
22. Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древних времен. — Ташкент, 1973.
23. Ураков Б. Керамические комплексы позднеантичного памятника Кызылкыр I и Сеталак I. // ИМКУз. 1975. Вып. 12.

24. Сулейманов Р. Х. Из истории культуры Бухарского оазиса на рубеже древности и средневековья. // Культура древнебухарского оазиса III—VI вв. н. э. Ташкент, 1983.
25. Пугаченкова Г. А. Новое о художественной культуре Согда. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983, Л., 1985.
26. Акишев К. А. Раннеклассовые общества на территории Южного Казахстана и Семиречья. // История Казахской ССР. Алма-Ата. 1977. Т. 1. С. 316.
27. Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошенико Г. А. Хорезм. // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 319.
28. Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
29. Бернштам А. Н. Очерк истории гушнов. Л., 1951.
30. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. // МИА. 1952, № 26.
31. Маргулан А. Х. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане. // ИАН КазССР. Сер. археол. 1951. Вып. 3.
32. Ремпель Л. И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. // ТИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. 1.
33. Кляшторный С. Г. Древнетюркские... с. 172.
34. Заднепровский Ю. А. Рец. на книгу: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские... // ИИА. 1965. № 6.
35. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. — Ташкент, 1982.
36. Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. — Ташкент, 1983.
37. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. — Л., 1940.
38. Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. // КСНММК. 1956. Вып. 64.
39. Кожомбердиев И. К. Катакомбные памятники Таласской долины. // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
40. Абетехов А. К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины. // Археологические памятники Таласской долины, Фрунзе, 1963.
41. Заднепровский Ю. А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья Усуньского периода II в. до н. э.—V в. н. э. // СИНВ. 1971. Вып. 10.
42. Нурмухамбетов Б. Н. Катакомбы Борижарского могильника. // Древности Казахстана. — Алма-Ата, 1975.
43. Нурмухамбетов Б. Н. Могильник Мардап — погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса. // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976.
44. Максимова А. Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен. // ТИИАЭ КазССР, 1962, Т. 14.
45. Яблонский Л. Т. Исследование могильника Алтынасар-3. // АО. 1981 (1983).
46. Лоховиц В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр. // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979; Лоховиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик. Там же.

47. Вайнберг Б. И. Скотоводческие племена в Древнем Хорезме.// Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981.

48. Манылов Ю. П. Исследования курганных могильников Центральных Кызылкумов.//Городокая среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда III в. до н. э. — VIII в. н. э. Тезисы докладов сов. французского коллоквиума. Ташкент, 1986.

49. Обельченко О. В. Курганы древнего Согда. — Ташкент, 1981.

50. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники Южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960. С. 128—138.

51. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию.//МИА. 1966. № 136.

52. Марущенко А. А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана.//ТИИАЭАНТССР. 1959. Т. 5.

II. ЮЕЧЖИ И ДРУГИЕ НОМАДЫ И ИХ МИГРАЦИИ

К ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА

//Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2

В истории среднеазиатских кочевников рассматриваемой эпохи выделяется два периода: предкушанский — II—I вв. до н. э., предшествующий появлению кушанского государства, и кушанский — I—начало IV вв. н. э.

II—I века до н. э. — в истории Средней Азии — это время широких передвижений кочевых племен, которые существенным образом повлияли на исторические судьбы соседних стран и, в частности, именно кочевники сыграли важную роль в разгроме Греко-Бактрии и образовании государства Кушанов, кочевнического по своему происхождению.

Изучение этих племен долгое время основывалось на сопоставлениях и интерпретации немногочисленных письменных источников. В последнее время все большее значение приобретают данные археологических исследований.

На территории среднеазиатских республик изучено огромное количество погребальных памятников кочевников этого периода. По приближенным подсчетам вскрыто несколько тысяч курганов. Все эти памятники могут быть разделены на ряд географических, хронологических и типологических групп, различающихся по устройству могилы, особенностью погребального обряда и инвентаря, а также по антропологическому типу погребенных. Следует оговорить, что большая часть фактического материала еще не опубликована и не все они могли быть использованы при подготовке сообщения. Эта работа далеко еще не закончена, и некоторые положения даются в предварительном порядке, в качестве гипотез. В сообщении рассматриваются в основном только памятники одного типа.

Могильники кочевников II—III—IV вв. н. э. исследованы во всех историко-культурных областях: в Семиречье, на Тянь-Шане, в Фергане, Ташкентском и Хорезмском оазисах, в Согде и Бухаре, на юге Таджикистана и Туркмении. Мною учтено более 140 памятников только с захоронениями в катакомбных и подбойных могилах. Кроме того, в ряде районов, в Хорезме, Фергане и Семиречье выявлено значительное количество иных погребальных памятников этого же периода.

Необходимо отметить, что во многих районах в один и тот же период представлены могильники с захоронениями в могилах разного устройства. Однако на основании статистических подсчетов можно выделить районы с преобладанием тех или иных погребальных памятников. Во многих могильниках существуют синхронные захоронения разного типа. Все это осложняет решение основной задачи — систематизации и классификации памятников кочевников.

В основу группировки памятников мной положен принцип разделения по форме могильного устройства, принцип, который успешно использовался в других разделах археологии. При этом во внимание берется не только форма могилы, но и особенности обряда и инвентаря и др. В результате учета, систематизации и картографирования всего доступного материала удалось выявить ряд групп памятников:

Тулхарская группа, которая включает могильники юга Таджикистана, Бухарского оазиса и Южной Ферганы. Характерные признаки: устройство грунтовой могилы с нишей-подбоем в западной или восточной стенках, ориентация погребенных головой на север или на юг, как правило одиночные захоронения в вытянутом положении, определенный набор сопровождающих покойника вещей. Основные могильники раскопаны Мандельштамом.

В эту группу включены отдельные захоронения в подбойных могилах Бухарского оазиса, изученные Обельченко. В этой области отсутствуют однородные кладбища с курганами этого типа. Памятники Бухарского оазиса по ряду определяющих признаков сближаются с могильниками Тулхарской группы в Южном Таджикистане. Особо отметим, что в этих областях наблюдается и сходство ряда керамических форм. Все это не позволяет, однако, говорить об идентичности памятников, так как можно заметить ряд специфических черт в каждой из областей. К этой же группе можно отнести могильники, подобные Карабулаку в Южной Фергане и Алае, изученные Бернштамом, Баруздиным, Заднепровским. Весьма возможно, что при дальнейшем изучении будут выделены локальные варианты внутри этой группы, занимающей обширную территорию от Аму-Дарьи до Сыр-Дарьи.

В северо-восточной горной части Средней Азии — в Семиречье и на Тянь-Шане, изучены курганы, которые по ряду важнейших признаков сходны с Тулхарской группой. Они не образуют самостоятельных кладбищ и, как правило, встречаются в могильниках, где преобладают простые грунтовые за-

хоронения. В этих районах курганы с захоронениями в подбойных могилах по количеству занимают второе место после грунтовых. Они составляют около 18% всех исследованных курганов рассматриваемого периода. Все иные типы погребальных сооружений кочевого населения на этой территории представлены единичными курганами. Это северная группа, названная Айгырджальской, отличается от южной—Тулхарской по ориентировке (здесь в большом количестве представлены захоронения, положенные головой на запад или реже на восток). Отличаются они и по инвентарю, хотя разная степень изученности и сохранности материалов в обеих группах не позволяют считать результаты сравнительного изучения сопоставимыми.

Памятники Тулхарской группы, благодаря трудам Мандельштама, Обельченко, Баруздина хорошо изучены и выявлены характерные черты материальной культуры кочевников, оставивших их. Эти памятники довольно обосновано датированы II в. до н. э. — серединой I в. н. э. Датировка памятников Семиречья и Тянь-Шаня менее аргументирована, хотя при современном уровне наших знаний можно говорить о синхронности обеих групп.

При сравнительном изучении этих памятников археологи сталкиваются с большими трудностями. Прежде всего не ясно, как подходить к решению следующего вопроса: являются ли рассматриваемые группы большими локальными вариантами одной, единой археологической культуры кочевников (о чем свидетельствует сходство конструкции могилы и обряда погребения) или же это разные комплексы. Решение этого принципиального вопроса обуславливает и возможности исторического истолкования памятников. Другой сложной проблемой является выяснение этнической принадлежности этих памятников. В этой связи надо обратить внимание на то, что курганы Айгырджальской группы резко выделяются среди массы грунтовых захоронений в Семиречье. Последние составляют примерно 80% всех памятников. Эта группа, называемая Чильпекской, представляет собой могильники основного населения Семиречья Усуньского периода, синхронного Кушанскому периоду в Южных районах Средней Азии. Они непосредственно связаны с памятниками предшествующего периода, когда на этой территории обитали сакские племена. По сути дела, сакские и более поздние могильники Чильпекской группы — это памятники одного и того же кочевого народа, только разного времени. К такому заключению приходят многие советские ар-

хеологи. Генетическая связь между ними устанавливается по многим признакам. Таким образом, имеются веские основания утверждать, что могильники Чильпекской группы, которые ранее считали усуньскими, в действительности относятся к тем поздним сакским племенам, которые по данным письменных источников вошли в состав усуньского племенного объединения. Нет сомнений, что именно саки составляли основную массу населения Семиречья, а не пришлые из Центральной Азии кочевые племена юечжей и усуней.

Могильники с подбоями Айгырджальской группы широко распространяются на этой территории, начиная со II—I вв. до н. э. Для предшествующего сакского периода известны только единичные подбойные захоронения и то лишь в районах, расположенных к северу от Семиречья. В настоящее время невозможно найти местные корни происхождения памятников Айгырджальской и Тулхарской групп. Они появляются как-то внезапно и в большом количестве на обширной территории. И поэтому возникает предположение, что они оставлены пришлым населением. Имеются основания сопоставить эти археологические данные с известиями китайских хроник о переселении, начиная примерно с 160 г. до н. э. на эту территорию племен юечжи и затем усуней. Имеется по крайней мере две возможности этнического определения памятников Айгырджальской группы: или с юечжами или с усунями, поскольку в Семиречье по данным хроник отмечается сосуществование трех основных этнических компонентов — саки, юечжи, усунь.

Работами Обельченко, Мандельштама обосновано предположение, что могильники Тулхарской группы на юге Средней Азии могут быть связаны с теми кочевыми племенами, которые вторглись во II в. до н. э. в северную Бактрию. Если придерживаться китайской версии исторических событий на рубеже нашей эры, то вполне естественно сопоставить Тулхарские могильники с юечжами как и предполагает Мандельштам. Сходство курганов Айгырджальской группы с Тулхарской является веским доводом в пользу определения памятников Семиречья как относящихся тоже к юечжам. Если можно принять это допущение, эту гипотезу, то распространение могильников с захоронениями в подбойных могилах можно было бы рассматривать как отражение процесса расселения и передвижения юечжийских племен или какой-то их части на территории Средней Азии.

Следует оговорить, что конкретная историческая обстановка на рубеже нашей эры была значительно более сложной. В

событиях, связанных с периодом возникновения Кушанского государства участвовали, судя по данным археологических исследований по крайней мере три основные группы кочевников: 1. центрально-азиатского происхождения (из района Лоб-нор—Дунь-Хуань) — юечжи и усунь; 2. местные племена — саки, кангюй и др; 3. кочевники северо-западного происхождения из северного Прикаспия, родственные и близкие сарматам и аланам. В сегодняшнем сообщении обращено внимание только на один круг вопросов. Необходимы дальнейшие исследования погребальных памятников разного типа с тем, чтобы можно было определить хронологию и ареалы распространения отдельных групп памятников и племен. Только после этого появится возможность объективного сопоставления археологических памятников с данными письменных источников о наименовании конкретных племен и решения вопроса о конкретных участниках коалиции кочевников, выступивших против Греко-Бактрии и затем положивших начало Кушанскому государству. Тогда станет возможным в какой-то мере выяснение и характера дальнейших взаимоотношений среднеазиатских кочевников первых веков нашей эры с могущественной державой Кушан.

РЕЦЕНЗИЯ: Л. А. БОРОВКОВА.

ЗАПАД ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ во II в. н. э. — VII в. н. э.

Ист.-геогр. обзор по древне-китайским источникам.

М., 1989 // Восток. М., 1991. № 3.

В работе Л. А. Боровковой рассматриваются вопросы локализации древних государств Средней Азии и ряда сопредельных стран, предлагается опыт системного изучения исторической географии обширного региона.

Результаты исследования обобщены в 7 схемах и 5 картах, которые дают наглядное представление об изменениях исторической обстановки в регионе на протяжении 9 столетий. Географический метод, используемый исследователем; можно назвать картометрическим и китайские источники представляют для него значительные материалы. В настоящее время, как отмечено в книге, сложились благоприятные условия для осуществления задуманной работы в результате переиздания в КНР на новом научном уровне древних историй и публикаций исторических атласов.

Прежде всего обратим внимание на основные положения, которыми руководствовался автор: 1. Караваны китайских по-

сольств (главные информаторы о странах Запада) использовали самые удобные и известные пути (с. 9). 2. Необходимо учитывать расхождения между дорожным и картографическим, между древним и современным расстояниями (с. 10). Древние дороги, как полагает автор, были длиннее и расхождения между ханьским дорожным расстоянием в источниках и современным составляет 20—30% (с. 23, 46, 50—53, 56 и др.). 3. Обязательное использование новых научно обоснованных определений китайской меры длины ли, которая для периода Хань равна: 1 км — 2,5 ли, Вэй — 2 ли, Тан — 1,9 ли. В источниках, как выявил автор, имеется немало ошибок в цифрах расстояний, некоторые расстояния указаны приблизительно и округленно. Но большая часть цифровых данных заслуживает доверия (с. 10—11). Первое положение не вызывает сомнения. Второе и третье противоречат друг другу. Поясним на примере. Допустим, расстояние между двумя пунктами равно 500 км, для периода Хань это будет 1250 ли (1 км — 2,5 ли). Если введем поправку и сократим эту цифру хотя бы на 20% (250 ли), то получим 1000 ли — расстояние, равное по длине ли для периода Вэй (1 км — 2 ли). Теперь, переведя 1000 ли в км, получаем 400 км, т. е. на 100 км меньше первоначальной цифры. А если сократим на 30%, как это часто делает Л. А. Боровкова, то получим результат весьма далекий от реального.

Из всего этого следует, что употребление дифференцированной по эпохам длины ли оправдано лишь в тех случаях, когда не применяется коэффициент сокращения. Сокращение древних расстояний в работе не всегда оправдано, как показано далее, и мало обоснованно. Нельзя согласиться с утверждением автора, что в древности дороги были длиннее. Совсем иные суждения об этом находим в трудах путешественников XIX в., проехавших верхом по караванным путям этого региона и утверждающих, что в горах Памира дороги неизменны со времен Сюань-цзана и что протяженность их практически была одинакова в древности и в XIX в.¹ В доказательство можно привести много фактов. Ограничимся одним. По современной карте Л. А. Боровкова определяет расстояние от Кашгара до Оша — около 540 км (с. 56). По данным 1913 г.² меж-

¹ П. А. Бронников. К исторической географии тохаров // Зв. Моск. археол. ин-та. 1914. Т. 35.

² Россия. Полное геогр. описание нашего Отечества. Т. 19. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 713—714.

ду этими городами 473 в. (501 км), т. е. старая караванная тропа была короче примерно на 8%. Расхождение не столь значительное, но при сопоставлении древних и современных расстояний более оправдано исходить из последней цифры. В большинстве случаев древние дороги были короче или равны современным, поскольку в горных районах варианты выбора путей весьма ограничены, что признает и сам автор (с. 58). Естественно, что за прошедшие 2000 лет происходили изменения, но расхождения между древними и современными дорогами были значительно меньшими, чем предполагает автор. Это должны учитывать все, кто будет пользоваться работой Л. А. Боровковой.

В книге по-новому определена локализация ряда государств и предлагается новая идентификация столиц древних владений, рек и др. Не со всеми предложениями можно согласиться. В краткой рецензии невозможно рассмотреть все локализации и остановимся только на тех, которые вызывают сомнения и для которых возможно иное сопоставление при использовании одинаковых доводов.

Локализация юечжей. Начнем с разбора ключевого вопроса о местоположении юечжей, которые по «Ши цзи» находились в 2000—3000 ли к западу от Давани (Ферганы) и к северу от реки Гуйшуй. Автор справедливо выступает против отождествления этой реки с Аму-Дарьей, которая разделяла юечжей и Даюя (Бактрия). Верно отмечено, что никто ранее не обратил внимание на географическую несуразность, на то, что около Ферганы Аму-Дарья не протекает. Л. А. Боровкова высказывает оригинальное логическое заключение, что рекой западнее Ферганы могла быть только Сыр-Дарья. Аргументов не приведено. Заключение категорично, это своеобразная заявка на кардинальный переворот в историографии — одной из важнейших в истории Востока — юечжийско-кушанской проблемы.

Рассмотрим, насколько оправдано это отождествление. Как известно, Сыр-Дарья западнее Ферганы течет на СЗ, а затем резко поворачивает на С. Если юечжи были к С от реки, то они оказываются на территории Кангюя (Канцзюя), о его локализации речь ниже. Однако, это исключено, поскольку об этом ничего не сказано у Чжан Цяня, который сам посетил это владение. Таким образом, отпадает единственное основание для идентификации реки Гуйшуй с Сыр-Дарьей.

Если следовать буквально китайскому тексту, то действительно через 2000—3000 ли к З от Ферганы можно достичь

Аму-Дарья около Хорезма. Но отсюда очень далеко до Бактрии. К тому же земли к З от Ферганы — это малопригодные для жизни. Голодная Степь и южные участки пустыни Кызыл-Кум у Нуратау. Так что исключено и западное направление. Остается юго-западное направление, и весьма заманчиво и в то же время наиболее вероятно сопоставление реки Гуйшуй с Зеравшаном, который течет в широком направлении и к С от реки, и к ЮЗ от Ферганы, и могли бы поместиться юечжи, а к Ю от реки действительно располагается Дася (Бактрия). Кстати заметим, что один из поздних комментаторов уточняет, что юечжи живут на ЮЗ от Давани³. В таком случае указанные расстояния до юечжей от Давани окажутся весьма вероятными, если считать до района Самарканда—Бухары в долине Зеравшана. Вопреки мнению автора (с. 22), также согласуются и другие данные о взаиморасположении древних владений. Согласно Чжан Цяню от Давани на ЮЗ до Дася (Бактрия) — 2000 ли (800 км). Автор, сокращая эту цифру на 30%, приходит к неверному заключению, что этот путь не мог привести к северному берегу Аму-Дарьи, где находилась Бактрия (с. 23). Это заключение противоречит реальности, поскольку в книге приведены расстояния по современной дороге от Коканда до Аму-Дарьи — 700 км, до Термеза через Самарканд — 800 км. Эти цифры, как видим, на удивление очень точно совпадают с расстоянием, указанным Чжан Цянем. Не приведено обоснование для сокращения цифры Чжан Цяня, которое осуществлено явно в угоду концепции автора.

Весьма произвольны локализации пяти Сихоу — владений в составе юечжей (с. 58—60). Автор сокращает древние расстояния на 30%, чтобы эти владения можно было разместить около Ленинабада—Джизака—Самарканда. Гуйшуан (одно из сихоу), которое основало позднее Кушанское царство, ставшее крупнейшей империей своего времени, в I в. до н. э. локализуется между Ленинабадом и Бекабадом (!).

Заклячая этот раздел, следует подчеркнуть заслуги автора, которая впервые заметила неправомочность отождествления р. Гуйшуй, но и ее предположение, как видим, не выдерживает критики и остается только гипотезой.

Локализация Давани и ее столиц. Не приводя доказательств, Л. А. Боровкова априори замечает, что отождествление Давани и Ферганы подтверждается (с. 13). Согласно

³ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 103, примеч. 10.

Чжан Цяню, Давань располагается в 10000 ли на запад от китайской столицы. Географическая реальность заставляет автора внести уточнение: Фергана находится не на западе, а на северо-западе от Китая. Сама цифра отстояния Давани не привлекла внимание, потому что ее не с чем было сравнить. Совсем по-иному отнеслась Л. А. Боровкова к сведению «Хань шу», что Давань находится в 12 250 ли от китайской столицы. Она сопоставила эту цифру с теми, что были получены путем сложения расстояния от небольших владений Цзюаньду и Сюсюнь до китайской столицы, с одной стороны, и до Давани — с другой стороны (10890 и 11130). Они не совпали и из этого сделан категорический вывод, что Давань оказывается за пределами Ферганы, а цифра 12 250 вызывает сомнения (с. 56). Вопрос о появлении этой цифры, превышающей данные Чжан Цяня на 2250 ли (900 км) остается открытым. Очевидно лишь, что не всегда достоверны и сопоставимы расстояния, полученные путем сложения или вычитания. Но однако вот отстояние Кангюя по «Хань шу» — 12 300 ли хорошо согласуется с данными «Ши цзы» — 10 000 ли от китайской столицы до Давани и от последней до Кангюя — 2 000 ли, всего 12 000 ли. Уточнение весьма незначительное. Если сопоставлять одни цифры, то получим, что расстояние между столицами Давани и Кангюя (Битянь), по «Хань шу» составляет всего 50 ли (12 300—12 250). Но ведь в «Хань шу» имеется конкретное указание, что от Давани до Битянь — 1510 ли. Расхождение между двумя подсчетами очень большое. Из всего сказанного следует, как это было отмечено Л. А. Боровковой, что не всем цифрам в китайских источниках можно доверять.

Обратимся к локализации столиц Давани. Столицей во II в. до н. э., как полагает автор, был город Эрши, который она локализует в Коканде, а в I в. до н. э. — город Гуишань, сопоставляемый с г. Ош (с. 56). Основания для этого крайне недостаточны. Утверждение (с. 137), что место Эрши определено, по данным «Ши цзы» и «Хань шу», неверно, поскольку в них нет никаких конкретных сведений. Единственный довод — это сообщение «Синь Тан шу», о том, что на месте древнего Эрши позднее находилась столица Восточного Цао — Судуйшана (с. 56). В переводе Н. Я. Бичурина находим совсем иное: «это место при старшей династии Хань принадлежало городу Эрши»⁴. Из всего текста никак не вытекает, что на этом месте

⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, Т. 2. С. 312.

существовал сам город Эрши, а только то, что власть города распространялась на эту территорию. Таким образом, у нас нет конкретных оснований для сопоставления Эрши с Кокандом. Учтем также, что в его окрестностях отсутствуют древние поселения времени Давани.

Для локализации города Гуйшань в Оше имеется только два основания. В «Хань шу» описано владение Цзюаньду к 3 от Кашгара. От этого владения до Давани на СЗ — 1030 ли. По разности отстояния от китайской столицы автор установила, что это владение находится от Кашгара на расстоянии 510 ли (204 км). Покольку по карте в 160 км от Кашгара расположено сел. Улугчат Цзюаньду она и сопоставила с ним. Возможен и другой вариант локализации — с Иркештамом, который отстоит от Улугчата в 40 км. От Цзюаньду до столицы Давани 1 030 ли (412 км), от Улугчата (Цзюаньду) до Оша по старой дороге 204 в (216 км) и, следовательно, столица Давани расположена далее Оша. От другого владения Сюсюнь Давань на СЗ в 920 ли (368 км). Если согласиться с локализацией автора Сюсюнь-Сары-Таш, от него до Оша всего 185 км по современной дороге и в этом случае столица Гуйшань также оказывается за пределами г. Ош. Как и в других случаях, автор сокращает ханьское расстояние на 30%, чтобы оправдать свое отождествление Ош—Гуйшань. Если не мудрствовать лукаво и следовать указаниям «Хань шу» об этих двух владениях, то столица Давани оказывается довольно далеко от г. Ош.

Так где же находились Эрши и Гуйшань? О локализации этих городов имеется довольно значительная литература вопроса, которая совсем не учтена автором. Не вдаваясь в детали, отметим основное. Еще в 1900 г. В. В. Бартольд⁵ сопоставил город Гесай — Кэсай (главный город Ферганы по Тан шу) с Касаном (столицей Ферганы в период вторжения арабов). На сопоставлении сведений этих же разнородных источников основано отождествление Кэсай с Касаном в труде Э. Шаванна⁶. При этом фонетическое соответствие играло второстепенную роль. В 1927 г. академик В. В. Бартольд писал, что и в более раннее время, в период Давани его центральным городом был Гуйшань — Касан⁷. Явно имея в виду сообщение, что столицей Лона — бывшей Давани, является Гуйшань, а также

⁵ В. В. Бартольд. Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 219.

⁶ Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Т. 6. С. 273

⁷ В. В. Бартольд. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 176.

о продолжительной преемственности правления. Точка зрения В. В. Бартольда была развита известным археологом А. Н. Бернштамом в работах 1947—1952 гг.⁸, который при раскопках на развалинах древнего Касана обнаружил слои времени Давани.

Если обратиться к указанным выше расстояниям от малых владений до столицы Давани, то они позволяют локализовать Гуйшань не в Оше, а в Касане. Расстояние между Ошом и Касаном по современной дороге составляет около 180 км и в целом расстояние от малых владений до Касана совпадает с цифрой в «Хань шу». Прямых указаний для локализации Эрши нет в источниках. На основании анализа археологических данных А. Н. Бернштам сопоставил Эрши с городищем Мархамат в 40 км к З от г. Ош. Это городище самое крупное среди поселений Ферганы поры Давани, оно выделяется правильной прямоугольной планировкой, мощной фортификацией и близости находятся наскальные изображения коней (как бы свидетельствуя о том, что в Эрши содержатся превосходных коней). В свете этих историко-культурных доводов локализация А. Н. Бернштама оказывается более аргументированной, нежели сопоставление Л. А. Боровковой.

В рассмотренном разделе предложения автора весьма произвольны и к тому же не учитывают местоположения археологически изученных поселений, которые могут точно локализовать древние города.

Локализация древнего владения Мими. Остановимся еще на одном примере локализации небольших владений к З от Кашгара, по данным Вэй шу (386—534 гг.) Ближайшее из них Чжэньжиба автор помещает в современном сел. Улугчат, где в ханьское время было Цзюаньду. К З от него на расстоянии 480 ли (252 км) (в книге опечатка — должно быть 240 км, т. к. для времени Вэй 2 ли = 1 км) находится Мими. Совершенно не понятно, почему автор локализует (с. 113) это владение в районе Гульчи, которое находится не на Запад, а на СЗ и к тому же в 140 км от Улугчата (на 100 км ближе). Эта идентификация отпадает. Естественно, искать Мими к З от Кашгара — в Алайской долине. И действительно, специалист по исторической географии, лично хорошо знакомый с этими местами Н. А. Бронников (1914) локализует Чжэньжиба в Иркештаме, а древнее Мими в 480 ли от последнего на месте сел.

⁸ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952. С. 222—229, 233.

Дамбурачи в Каратегине⁹. У нас нет каких-либо оснований для выбора локализации Чжэчжиба в Улугчате или в Иркештаме. Но для определения местоположения Мими таковые имеются. Исходя из тех же данных, можно предположить третий вариант локализаций Мими IV—нач. VI в. — в районе Дараут-Кургана. Он находится к З от Кашгара, на расстоянии более 200 км от Иркештама и еще больше от Улугчата. Но более веским доводом служит факт существования здесь древнего Дараут-Курганского поселения времени Давани, которое по конструктивным особенностям и по местоположению рецензент сопоставил с Каменной Башней Птолемея¹⁰. К З от Дараут-Кургана мною обследованы еще три небольших укрепленных городища¹¹, по всей вероятности, близкие во времени Вэй шу. Учтем при этом, что возле Дамбурачи следов древних поселений во время перехода в 1947 г. по Каратегинну я не обнаружил.

Локализация Кангюя и его столицы города Битянь. На карте ЗБ Кангюй (Канцзюй) помещен на Средней Сыр-Дарье, Чу и до ЮЗ части оз. Балхаш, также, как обычно, в историографии Средней Азии. Однако, в тексте сказано совсем иное, что это владение занимает территорию от Иссык-Куля и до Ташкента, где находится самое отдаленное зависимое от Кангюя малое владение Юйни. Восточную границу с усунями автор проводит где-то около Иссык-Куля (с. 63), а в другом месте — к В от него (с. 65). В книге приведены данные «Хань шу» об отстоянии города Битянь (зимней столицы Кангюя) от столицы Китая — 12 300 ли и Фаньнэй (летней столицы) — 9104 ли. Следовательно, летняя столица находилась ближе к Китаю и расстояние между столицами дает представление об огромном пространстве, занимаемом Кангюем — 3 200 ли (1 300 км). Из этого следует, что город Битянь находился далеко на западе. На все это автор не обратил внимания. Она локализует летнюю столицу — «в курортной зоне нынешнего Пржевальска» (1), а Битянь — в районе Джамбула (с. 64).

Мало аргументирована также локализация зависимых от Кангюя владений. Сопоставление Ши/Чжеши с Ташкентом ос-

⁹ Н. А. Брошиков. Ук. раб. С. 12—14.

¹⁰ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962. С. 186.

¹¹ Ю. А. Заднепровский. Работы в Киргизии//Археологические открытия 1965 г. М., 1966. С. 187.

новано не столько на фонетической идентификации Ташкент — Каменный город, сколько на сообщении Тан шу, что Ши — это древнее кангюйское владение Юйни. Не учитывая этого, автор помещает Ши/Чжэши в Токтогуле (Кетмень-Тюбе) (с. 137). Вызывает сомнение локализация в Ленинабаде государства Кан (с. 138, 139), которое с учетом сведений арабоязычных авторов обычно отождествляют с Самаркандом, а также ряд других сопоставлений без учета реальной исторической обстановки эпохи.

Из приведенных фактов можно заключить, что в работе Л. А. Боровковой многие локализации произвольны и сомнительны. Нельзя согласиться с конкретным применением приема исследования с произвольным сокращением древних расстояний. При таком огромном сокращении на 1/3 большинство цифровых сведений источников вряд ли будут достоверны и сопоставимы с реальными расстояниями. Вместо декларируемой точности метода в работе преобладает произвольное манипулирование метрическими данными. Итоги исследования не подведены, отсутствуют какие-либо выводы о динамике политической карты, и автор отсылает к составленным схемам и картам (с. 168). Можно сделать и общий вывод, что нельзя основываться при разработке вопросов исторической географии Центральной Азии только на одних данных китайских хроник о взаиморасположении и расстоянии древних государств. На современном уровне наших знаний нельзя решать эти вопросы без учета археологической изученности конкретных районов и древних поселений. Несмотря на отмеченные недостатки, книга Л. А. Боровковой полезна и нужна, поскольку она предоставила возможность для критического разбора данных китайских источников и стимулирует интерес к проблемам исторической географии Центральной Азии в целом.

ПУТИ МИГРАЦИИ ЮЕЧЖЕЙ ПО НОВЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ, 1997*

В глубинных районах Центральной Азии обитали по соседству три группы кочевников — юечжи, усунь и хунну, сыгравшие значительную роль в истории Азии и Востока в целом. Почти сто лет тому назад в отечественной науке были выделены археологические памятники хунну (погребе-

* Работа публикуется впервые.

ния, а позднее и поселения) и в настоящее время накоплен огромный материал по их культуре и, в частности, о погребальном обряде. Сложнее вопрос об идентификации памятников юечжей и усуней.

В докладе остановлюсь только на проблеме атрибуции юечжийских памятников. Особый интерес к юечжам связан с решающей ролью, которая выпала им в разгроме Греко-Бактрийского царства и в создании Кушанского государства — важнейшего события в истории Центральной Азии. Изучение истории крушения Греко-Бактрии было начато трудами русского академика Т. С. Байера (1738), по данным античных авторов, и французского сиолога Дегиня (1758), по данным китайских источников.

По юечжийско-кушанской проблеме за 200 лет опубликована огромная литература на многих языках и почти вся она основана на интерпретации лаконичных сведений источников, на материалах эпиграфики и нумизматики, на изучении памятников изобразительного искусства. И только в связи с развернувшимися археологическими исследованиями погребальных памятников Центральной Азии и Южной Сибири в нашей литературе появился ряд предположений и догадок о сопоставлении их с юечжами.

Охарактеризуем основные гипотезы.

Открытые в 1928—1929 гг. в Киргизии могильники были без достаточной аргументации определены как усуньские (Воеводский, Грязнов, 1938). Одновременно было высказано мнение А. И. Тереножкина (1941), что только часть изученных грунтовых могил относится к усуням, а другая — племенам сэ (сакам) и юечжам. Он опирался на прямые указания китайских хроник о сосуществовании в Семиречье в ханьское время этих трех племен. Позднее в Семиречье и на Тянь-Шане наряду с погребениями в грунтовых могильных ямах были открыты погребения в подбоях и катакомбах. Эти три основных типа резко различаются. У нас до сих пор отсутствуют надежные основания для идентификации этих трех типов с тремя племенами, обитавшими здесь в период Усуней — во II в. до н. э. — V в. н. э.

Наиболее массовые грунтовые погребения имеют местные корни и, естественно, их следует сопоставлять с автохтонными племенами саков, вошедшими в состав Усуньского племенного союза (Заднепровский, 1970, 1984). Вопрос об этнической принадлежности погребенных в подбоях и катакомбах остается открытым.

В дальнейшем оказалось, что все три основные типы погребений встречаются в разных частях Центральной Азии. В настоящее время изучены сотни могильников на обширной территории от Семиречья и Каратау на севере и до Аму-Дарьи и Копетдага на юге. Сосуществование в одном и том же районе и даже в одном могильнике в одно и то же время разнотипных погребений, явление широко распространенное у кочевников Евразии. Это еще более осложняет решение задачи идентификации. Необходим дифференцированный подход к памятникам кочевников каждой историко-культурной области.

Наиболее обоснованную гипотезу выдвинул А. М. Мандельштам, который сопоставил с юечжами погребения в подбоях могильника Тулхар и др. в Южном Таджикистане, на землях Северной Бактрии (1968. 1978. 1984). Одновременно в 1968 г. автор этих строк на Международной кушанской конференции в Душанбе выдвинул положение о сходстве аналогичных могильников с захоронениями в подбоях Семиречья, Ферганы и Бухарского оазиса с Тулхарской группой в Северной Бактрии и о принадлежности их юечжам (Заднепровский, 1968. 1971. 1975). Для того, чтобы принять эту гипотезу, надо выяснить характер погребальных сооружений на прародине юечжей — в провинции Ганьсу в Северном Китае — были ли там погребения в подбоях, а также на промежуточной территории — в Восточном Туркестане (ныне провинция Синьцзян. КНР). Такие возможности появились в результате исследований китайских археологов в последние десятилетия.

Первую сводку подбойных погребений Центральной Азии опубликовал С. С. Миняев (1990). Он объединил памятники двух могильников Тувы, а также Минусинской котловины Южной Сибири и подбойные погребения в Даодуньцзы в провинции Нинся Северного Китая. В статье упомянуто также о подбойных могилках в Субаши (Синьцзян). Все они выделены в качестве особой группы погребений, принадлежащих местному населению, вошедшему в состав племенного союза хунну во II—I вв. до н. э.

Количество изученных могильников постепенно возросло. Наибольший интерес вызывает могильник Чаухугоу III — памятник номадов Восточного Тянь-Шаня ханьского периода. Он располагается в 30 км от Карашара (Хеджо) на южных склонах Тянь-Шаня на востоке Таримской впадины (Каогу, 1990. № 10). В могильнике преобладали курганы с

захоронениями в грунтовых ямах в решетчатых гробах, идентичных по устройству гробам у сарматских племен Южного Урала. Наряду с ними вскрыты погребения в подбоях, которые по всем особенностям конструкции, расположению ниши-подбоя в северной стенке могилы, широтной ориентировке костяков, закладу входа в подбой сырцовым кирпичом идентичны памятникам Семиречья и соседней Ферганы. Это наглядно видно при сопоставлении планов и разрезов с погребениями в могильнике Хангиз в Фергане (Горбунова. 1990).

Китайские археологи относят Чаухугоу к памятникам хунну. Но по всему комплексу данных они отличаются от типичных хуннских могил (Заднепровский. Лубо-Лесниченко. 1992).

Особое значение имеет исследование могильника Хамадун в центральной части провинции Ганьсу, на территории предполагаемой прародины юечжей (Каогу сюебао. 1992, 2). Из 18 могил в 12 вскрыты погребения в подбоях. Могилы ориентированы меридионально с небольшим отклонением. Костяки лежали вытянуто, головой на север. Ниши в западной стенке могилы. Вход закрыт палками. Погребенного сопровождает ритуальная пища — головы быков, лошадей, овец. По радиоуглероду погребения датируются приблизительно от времени западных Чжоу до периода Сражающихся царств, примерно VI—IV вв. до н. э. Исходя из месторасположения и даты, китайские археологи относят могильник к юечжам. Если это предположение будет подтверждено новыми исследованиями, то Хамадун можно считать первым памятником, открытым на исконных землях юечжей, — восточной ветви ираноязычного мира Евразии. Он располагается на юго-восточной периферии скифо-сарматского мира.

Подбойные могилы, открытые в Северном Китае в Даодуньцзы у г. Тонксин провинции Нинся и Хамадун у г. Минкин, провинция Ганьсу. Расстояние между ними по прямой около 300 км. Принципы конструкции подбоев сходны и несколько отличаются от аналогичных памятников Центральной Азии. Сближает эти два памятника большое количество ритуальной мясной пищи. Всего пока в Северном Китае вскрыто 18 подбойных погребений и этого явно недостаточно для основательных выводов.

Второй пункт подобных погребений — в Таримской впадине (Синьцзян). От Хамадана в Ганьсу могильник Чаухугоу находится к западу на расстоянии около 1500 км. В этом ре-

гионе известно пока также немного подбойных могил, но они, как было сказано, практически ничем не отличаются от памятников в соседних областях Семиречья и Ферганы. От Чаухугоу до могильника Хангиз в Фергане насчитывается около 1200 км.

В Центральной Азии единичные погребения в подбоях появляются в V—III вв. до н. э. и частично синхронны могильнику Хамадун в Ганьсу. В массовом количестве они распространяются на этой территории в II—I вв. до н. э. Так, в Семиречье из 370 учтенных в 1960 г. курганов 80% составляли захоронения в грунтовых ямах (сакокие) и 17% — захоронения в подбоях (Кушаев, 1963). В настоящее время количество известных здесь могил возросло во много раз. Более полные сведения имеются по Фергане, где мною учтено 80 изученных могильников, в которых раскопано почти 2000 курганов. К сожалению, опубликована лишь небольшая их часть. Наблюдаются определенные закономерности распространения на территории Ферганы могил разного типа. Единичные подбойные погребения обнаружены в юго-западной, северной и восточной частях долины. Но основная масса их сконцентрирована в одном районе в междуречье Ляйляка-Исфары—Соха в Южной Киргизии. Здесь вскрыто наибольшее количество курганов. Из них более 300 с подбойными могилами, что составляет 75% всех изученных курганов в регионе. Эта группа памятников рассматривается как отдельная Карабулакская археологическая культура, названная по широкоизвестному могильнику Карабулак, исследованному Ю. Д. Баруздиным (1960). Появление этой группы я связываю с вторжением в Фергану юечжийских племен.

Далее на юго-запад аналогичные памятники номадов изучены на периферии Бухарского и Самаркандского Согда в долине Зеравшана. Исследователь их О. В. Обельченко (1954—1992) связал распространение их с вторжением во II—I вв. до н. э. сарматских племен.

В настоящее время это предположение не может быть принято, хотя гипотеза О. В. Обельченко получила определенное признание у сарматологов. Против выступил автор этих строк в 1968 г. на Кушанской конференции в Душанбе, а также А. М. Мандельштам (1974). Критический пересмотр осуществлен мною в докладе 1993 г. на конференции в Бухаре (1994) и на Международной конференции «Проблемы истории и культуры сарматов» в Волгограде 1994 (Заднепровский, 1994).

В подбойных могилах, раскопанных в Бухарском оазисе О. В. Обельченко и на территории Сев. Бактрии А. М. Мандельштамом, отмечается совпадение в принципе устройства, в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре, и все это достаточно определенно свидетельствует об их сходстве. В Северной Бактрии раскопано около 500 курганов. От Ферганы до берегов Аму-Дарьи расстояние составляет около 1000 км, а всего от Ганьсу до Аму-Дарьи более 4000 км.

Этническая принадлежность княжеских погребений в Тилля-Тепе на левом берегу Аму-Дарьи, в Афганистане, которые исследовал В. И. Сариниди, вопрос особый. Эти погребения исследователь считает принадлежащими юечжам (Сариниди. 1989). Высказаны и другие точки зрения. Решение вопроса затрудняется тем, что не установлены конструкция могил и невозможно сравнивать богатые погребения с рядовыми могилами номадов. Приведенные данные о связях с Пазырыком и Алтаем не вызывают сомнения. Но их еще мало.

Прежде чем перейти к заключению, напомним, что китайские источники сообщают о переселении юечжей под давлением хунну на Запад, очевидно, в Восточный Туркестан и Семиречье. Здесь они сосуществовали с остатками ся-саков и усунями. Затем они в Семиречье потерпели поражение от усуней и часть юечжей, миновав Фергану, достигла Бактрии, где приняла участие в борьбе с Греко-Бактрией и в создании Кушанского государства.

Миграция юечжей из глубин Азии, таким образом, исторический документированный факт. Более или менее точно известна продолжительность переселения между 165 и 140 гг. до н. э. За 25 лет, т. е. на протяжении жизни одного поколения было пройдено более 4000 км (по прямой). Усуни из глубин Азии продвинулись только до Семиречья и здесь создали сильное самостоятельное владение. Следовательно, пути переселения юечжей и усуней совпадают лишь частично и это является, по моему мнению, важным основанием для определения этнической атрибуции памятников юечжей. На всех основных участках миграции юечжей встречены погребения в подбоях: на их прародине в Ганьсу, в Таримской впадине, в Семиречье и Фергане, в долине Зеравшана и на территории Северной Бактрии. Распространение этих памятников, очевидно, отражает процесс расселения и передвижения юечжийских племен из глубин Азии в сторону Бактрии.

В борьбе против Бактрии принимали участие племена разного происхождения: с востока — из Центральной Азии, с севера — из-за Яксарта, с последними и следует связывать появление сарматских элементов в курганах Зеравшана. Не исключено, что принимали участие также кангюйцы — сакараваки. Однако, все эти вопросы, составляющие сложный комплекс проблем, невозможно рассмотреть в одном докладе, и я остановился лишь на одном из них — на обосновании этнической принадлежности подбойных погребений юечжам. Можно констатировать, что в настоящее время появились определенные возможности для идентификации памятников по данным археологии и что положено начало нового этапа в изучении юечжнйско-кушанской проблемы.

ТРАНСАЗИАТСКИЙ СТЕПНОЙ ПУТЬ — ВЕТЬ ШЕЛКОВОГО ПУТИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

//Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тезисы докладов. Донецк, 1992

1. В 1956 г. И. Вернер опубликовал классификацию и карты распространения костяных накладок на лук, котлов кочевников, золотых диадем и др. Для нашей цели наиболее интересна классификация и карта распространения зеркал разного типа на обширных просторах Восточной и Центральной Европы на протяжении первых веков н. э. Зеркала в древности, как известно, составляли важный элемент материальной и духовной культуры, им принадлежала существенная роль в идеологии кочевников.

2. И. Вернер мог назвать только две находки ханьских зеркал: в Нижнем Поволжье и Западной Сибири. В настоящее время количество их возросло во много раз. Мною учтены такие зеркала более, чем в 30 пунктах. Наибольшее число их обнаружено в Ферганской долине, расположенной ближе всего к Китаю, и погребальные памятники которой довольно полно исследованы. Здесь они известны в 15 памятниках (Литвинский, 1978; Горбунова, 1990) и мною учтено около 40 обломков и целых зеркал, т. е. больше, чем на всей остальной территории нашей страны. Единичные аналогичные изделия найдены в долине Чаткала (Чанчархан), Кетмень-Тюбе (Джал-Арык). В соседней долине Таласа они обнаружены в широкоизвестном могильнике Кекол, а также в

Чоон-Канка. Обломок китайского зеркала найден в могильнике Берккара (Бабанская, 1956). Ханьские зеркала выявлены в четырех могильниках Ташкентского оазиса (Ташкент, Джуи, Вревская, Актан). В низовьях Сыр-Дарьи в погребениях Джетыясарской культуры найдены ханьские зеркала, шелк, нефритовые скобы для подвешивания мечей в комплексе с изделиями мастеров Египта, Сирии, а также Северного Кавказа и Поволжья (Левина, 1991). Уникален комплекс могильника Лебедевка в Южном Приуралье (Западный Казахстан), где в погребениях II — первой половины III в. н. э. оказались зеркала двух видов (восьмиарочные и TLV) на ряду со стеклянными сосудами боспорского и восточно-римского происхождения, римскими бронзовыми предметами, глиняными сосудами из Танаиса и Средней Азии (Мошкова, 1982; Минне Такаши, 1984).

Ханьские зеркала найдены также на Южном Урале (Башкирия) в могильниках Темясово около Баймака (Ишеличнюк, Резапов, 1976) и в Комсомольской группе (Ишеличнюк, 1983). Они известны в нескольких пунктах Нижнего Поволжья (Ст. Полтавка — Сипицын, 1946); II Бережновский могильник — Сипицын, 1960; курган около г. Лениск — Засецкая, 1968) и в Самарском Заволжье в районе Бузулука (ОАК 1899).

3. Картографирование находок ханьских зеркал позволяет реконструировать два основных ответвления Великого Шелкового Пути (далее ВШП). Одно — от Ферганы и Тянь-Шаня (долины Таласа и Кетмень-Тюбе — Ташкентский оазис — низовья Сыр-Дарьи — Южное Приуралье (Лебедевка) — Нижнее Поволжье. Кстати, недавно опубликовано аналогичное зеркало из могильника Чаухугоу гуинно — сарматского времени в Восточном Тянь-Шане (Синьцзян) (Каогу, 1990; Заднепровский, Лубо-Лесниченко, 1992). Перечисленные находки от начального пункта в Восточном Тянь-Шане (Синьцзян) маркируют караванный путь по долине Сыр-Дарьи до Нижнего Поволжья и Дона. В некоторых районах в совокупности с зеркалами найдены, например, в Фергане шелк, ханьские монеты ушу; ср. также находки в Джетыясаре. Приведем примерные данные о расстояниях: от Танаиса в низовьях Дона до Лебедевки — около 1000 км (по прямой), от него до Джетыясара — 900 км, от Джетыясара до Ташкента — 700 км и оттуда до границы Ферганы с Китаем — 500 км. Всего более 3000 км. Главное направление ВШП — от Ферганы на юго-запад — в Афганистан—Иран докумен-

тируется новыми находками ханьских зеркал на поселении Бараттепе в районе Термеза (Южный Узбекистан) и в Тилля-Тепе (Северный Афганистан).

Между указанными пунктами на северной дороге ВШП имеются еще значительные разрывы, и к тому же автор не может претендовать на исчерпывающий охват материалов. Составление полной сводки может быть осуществлено только путем объединения усилий археологов разных центров.

4. Основную массу зеркал в Восточной и Центральной Европе в первых веках н. э. составляют изделия из белого сплава с геометрическим рельефным узором. И. Вернер выделил 5 типов: тип Можары, Чми, Березовка, Карповка, Балты. По новым данным, некоторые типы подобных зеркал были в употреблении и в Средней Азии. В Чаткале (Джержетал) и в Алае (материалы Ю. Д. Баруздина) найдены почти идентичные зеркала, которые можно сопоставить с типом Можары (он соответствует X типу по Хазанову), но они более совершенного изготовления. К тому же по химическому составу зеркало из Алая не отличается от типичных ханьских изделий. Зеркало из могильника Урюкзор в Южной Ферганае (по Горбуновой. 1990 — единственный пока экземпляр в Средней Азии) соответствует III типу Березовка по И. Вернеру. Уникальное зеркало этого же типа с тремя концентрическими полосами узора найдено С. Савчуком на цитадели Кампыр-тепе на юге Узбекистана в твердо датированном комплексе I—II вв. н. э. Ближние аналогии оно имеет в зеркале из Ордоса (Вернер. 1956; ср. Каогу сюебао. 1963).

К III типу относятся также позднесарматские зеркала из Уфы (Садыкова. 1962) и литейная форма из Чеганда в Прикамье (Садыкова. 1962; Генинг. 1967). Вариант зеркал этого же типа отливали в матрицах из Тапанса (Арсеньева, 1984). Все эти находки значительно расширили наши представления об ареале рассматриваемых зеркал. Они указывают на происхождение их с востока, быть может, китайское. Обратим внимание на дату зеркала из Кампыр-Тепе — I—II вв. н. э. Обычно зеркала этого типа датируют не ранее II—III вв. н. э. (Книпович. 1949), IV—VI вв. н. э. и до VII—VIII вв.

Особую группу составляют зеркала китайского стиля парфяно-сасанидского времени из провинции Гилян (Иран), близкие к III типу И. Вернера и особенно Ордосской находке. Отметим зеркала из Боркорбаза и Гурмирона (Фергана) и Шаушукума, Чардара на средней Сыр-Дарье) с простыми узорами, которые сходны по форме и технике изготовления

с находками на Северном Кавказе и в Восточной и Центральной Европе (Сорокин, 1961). Картографирование этих находок, как и составление первой сводки ханьских зеркал, служат наглядным подтверждением функционирования северного трансказпийского степного пути.

5. О степном пути в земли аргипеев в V в. до н. э. впервые сообщает Геродот (IV. 24). Миннз предполагал, что этот караванный путь до Тянь-Шаня—Алая установился в VII—V вв. до н. э. Со II в. до н. э. возобновляется движение по нему и начинает действовать северный путь ВШП из Восточного Тукустана через Тянь-Шань и по долине Сыр-Дарьи, о чем сообщают ханьские хроники (одним из первых сводку сведений Геродота, Страбона, Плиния и ханьских хроник, а также данные археологии привел Толь в 1927 г.). Новейшие археологические свидетельства функционирования ВШП приведены в докладах на конференциях в связи с проектом ЮНЕСКО в 1989—1991 гг. (Байпаков, 1990; Заднепровский, 1990; Филанович, 1990; Иерусалимская, 1990; Мошкова, 1990; Буряков, 1990; Заднепровский, 1991; Левина, 1991). Важная роль на этом пути принадлежала аорсам — аланам, занимавшим господствующее положение в степях к северу от Каспия. Именно аланский племенной союз, с предполагаемым центром в Танансе контролировал на значительном участке на Западе степной северный путь ВШП (Яценко, 1989; Гугуев, 1989). На обширном участке ВШП на Востоке определяли его функционирование кочевые владения Усунь и Кангюй (Заднепровский, 1991). Особо отметим экспансию Кангюя на северо-запад, в ходе которой он подчинил владения Яньцай и Янь в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье (Лебедевский могильник на территории Яньцай — Янь?). По истории ВШП до сих пор не утратила своего значения известная монография М. Хвостова 1907 г.

МОГИЛЬНИК НОМАДОВ СИНЬЦЗЯНА ЭПОХИ ХАНЬ

//Археологические изыскания. С.-Пб, 1995, № 24.

Работы китайских археологов на могильнике Чаухугоу позволили выявить две новые археологические культуры кочевого населения Синьцзяна сакского и хунно-сарматского времени. Огромный могильник Чаухугоу, насчитывающий около 2000 курганов, расположен в 30 км к северо-западу от Хеджо (Карашар) на южных склонах Восточного Тянь-Шаня, на северо-востоке Синьцзяна. Он состоит из четырех

групп. В двух из них исследованы могилы ранних кочевников сакского круга (Каогу Сюебао, 1988, № 1; Заднепровский, 1992). Третья группа — могильник Чаухугоу III относится к ханьскому времени. В нем раскопано 20 курганов (Каогу Сюебао, 1990; № 10; Заднепровский, Лубо-Лесниченко, 1992). Полученные материалы позволяют впервые охарактеризовать особенности культуры номадов Синьцзяна хунно-усуньского периода.

Прежде всего обращает на себя внимание разнообразие устройства погребальных сооружений, которые можно свести к трем основным типам. Количественно преобладают грунтовые могилы прямоугольной формы с заплечками и с погребением в деревянных гробах. Все погребения одиночные, ориентированы на В. Они могут быть подразделены на два подтипа — более широкие могилы и узкие. Этот основной тип составляет 80% всех раскопанных могил.

Ко второму типу относятся подбойные могилы широтной ориентации, с подбоем в северной стенке входной ямы. Вход закрыт палками и сырцовыми кирпичами. Погребенные лежат вытянуто, на спине, головой на восток с отклонениями к югу. У левого плеча остатки деревянных блюд с костями и головами овец. Слева же у ноги клались черепа и кости четырех ног лошадей. Погребения безинвентарны. Всего вскрыто четыре таких могилы (20%). Подбойные могилы находят прямые аналоги в одновременных памятниках Семиречья (Западный Тянь-Шань), где они составляют вторую по численности группу после грунтовых могил. При этом совпадают также широтная ориентация и расположение подбоев в северной стенке. Отличаются они только ориентацией погребенных на запад и по составу мясной ритуальной пищи (Акишев, Кушаев, 1963; 249—250).

Аналогичные по устройству подбойные могилы широко распространены также в соседней с Синьцзяном Ферганской долине (Заднепровский, 1960; 113). Здесь преобладают подбой меридиональной ориентации, но имеются могилы с широтной ориентацией (Литвинский, 1972). Также характерно использование кирпича для закрытия входов.

В третий тип можно выделить уникальное погребение в овальной грунтовой яме под курганной насыпью из камней. В середине овальной ямы была вырыта узкая прямоугольной формы могила так, что образованы уступы (запечки). Стенки могилы были выложены сырцовым кирпичом, поставленным на ребро. Продольные стенки сложены из четырех

кирпичей, поперечные из одного. Размеры кирпича варьируют — 34—60×28—32×12 см. Таким образом, создано было в могиле подобие каменного ящика, размером 1,96×0,4—0,5×0,3 м. На дне его находился костяк женщины 50 лет, головой на восток. Справа от туловища к стенке могилы ниже заплечиков и на уровне верхнего края кирпичного ящика была вырыта овальная ниша. В ней были найдены кости и голова овцы и рядом железный нож. Эта могила не находит прямых аналогий в материалах Средней Азии.

Несмотря на разнообразие погребальных сооружений, в обряде погребения много общего. В могилах разного типа погребения одиночные и только в одном случае двойные. Все костяки лежат вытянуто на спине, головой на восток, иногда с отклонением к югу. Однородность культуры и обряда особенно заметно отражены в характере сопровождающей мясной пищи (положение в могилу части туши и голов овец). В двух случаях кости были обнаружены на остатках деревянных блюд. Наряду с костями и головой овцы в широких прямоугольных могилах и в подбоях были найдены также головы и кости ног лошадей, что, по всей вероятности, можно рассматривать как пережиток древней традиции конских сопровождающих захоронений. В погребальном обряде рассматриваемой группы выявляется еще одна яркая особенность — захоронение умерших в деревянных гробах разного устройства. Остановимся на этом подробнее.

Гробы своеобразной конструкции обнаружены в к. 7, 8 в прямоугольных могилах. Приведем описание к. 8. Пазынь из камней диаметром 5 м, высотой 0,4 м. Под нею неглубокая овальная яма больших размеров, окаймленная каменным кольцом. В середине ее вырыта широкая прямоугольная могила, ориентированная по линии З—В. Размеры ее 2,75×1,44×0,9 м. Заплечики выражены менее четко, чем в к. 7. На дне могилы, в середине ее, располагается деревянная конструкция, состоящая из двух продольных брусьев и 7 поперечных дощечек. Костяк мужчины 40—50 лет лежит вытянуто на спине в позе всадника. Левая нога в колене, также, как откинутая левая рука, выходят за пределы продольного бруса. Головой погребенный обращен на В с отклонением к югу. У западной стенки могилы (у ног) находится череп лошади (в к. 7 также кости ног лошади). В могиле обнаружены только обломки железного предмета.

В обоих курганах оказались одинаковые деревянные сооружения, назначение которых удалось определить при сопос-

тавлении с лучше сохранившейся и хорошо документированной конструкцией Мечетсайского могильника (погребение 9 в к. 7 в долине Илека — Южное Приуралье). Здесь оказался такой же по форме и сходный по устройству деревянный каркас. Совпадает даже количество поперечных планок, которые также выступают за края продольных брусьев. Концы их у головы также выступают. Кстати, в этих могилах головы погребенных покоятся на крайней поперечной планке. Близки их размеры: в Чаухугоу — $1,95 \times 0,78$, Мечетсае — $1,9 \times 0,6$ м. Деревянный каркас Мечетсае — это остатки дна гроба. К. Ф. Смирнов верно заметил, что обнаруженное деревянное ложе, возможно, представляло не гроб, а погребальные носилки или катафалк, сверху покрытый кошмой или войлоком (Смирнов, 1975; 122).

Аналогичные решетчатые гробы (катафалки) наряду с долблеными колодами широко распространены в раннесарматских прохоровских могильниках IV—III вв. до н. э. и употреблялись у сарматов вплоть до I—II вв. н. э., судя по материалам могильника у с. Политотдельского на левом берегу Волги (Смирнов, 1959; 274).

Прототипом подобных гробов, очевидно, могут служить решетчатые, устланные камышом, носилки, открытые в могильнике Уйгарак VII—V вв. до н. э. (Приуралье) (Вишневская, 1973; 50). Отметим совпадение количества поперечных планок. Однако они отличаются значительно большими размерами — $2,7 \times 2,4$ м. Сходный по конструкции и, точнее, соответствующий определению решетчатый гроб выявлен в погребении на поселении Актобе 2 на средней Сыр-Дарье (Южный Казахстан) (Древности Чардары, 1978; 72). Дно его образовано семью поперечными планками, вставленными в пазы продольных брусьев. Размеры $2,1 \times 0,6$ — $0,42$ м. Подобные погребальные ложа — гробы, порожденные традициями кочевого населения (ср. с устройством переносного сборного жилища — юрты: деревянный каркас и войлочное покрытие) были распространены на обширной территории от Волги и до Восточного Тянь-Шаня и использовались на протяжении длительного периода.

Обратим внимание на то, что в к. 7 сходно с к. 8 по устройству могилы и погребальному обряду (положение покойного в таком решетчатом гробу с такой же восточной ориентировкой, в сопровождении костей и головы овцы у правой руки и костей и головы лошади в ногах в северо-западном углу могилы). В к. 7 находился костяк молодой женщины

22—24 лет с ханьским зеркалом на груди, каменными бусами на шее и двумя золотыми накладками с зооморфными изображениями, возможно, от головного убора и с костяной шпилькой. Это женское захоронение было самым богатым в Чаухугоу и единственным, в котором найдено зеркало. Кстати, обломок зеркала этого же типа с несколько более простым узором найден в одной из катакомб в юго-западной Фергане (Заднепровский, 1960; 95).

Вторая разновидность деревянного гроба — долбленая колода происходит из к. 17. В середине овальной ямы большого размера выкопана узкая прямоугольная могила, размером 2,44×0,8 м, вытянутая с З на В. Могила с четко выраженными заплечиками. Костяк мужчины 30 лет лежал в долбленной колоде из ствола изогнутого, кривого дерева с массивными грубо обработанными торцовыми стенками. Погребенный обращен головой на ЮВ. На голове и туловище остатки шелка. В ногах, в юго-западном углу могилы положены кости и голова овцы.

Обряд погребения в колодах широко распространен у кочевых народов степей Евразии, и они появились, очевидно, почти одновременно в разных районах. Наиболее ранние колоды обнаружены в известном княжеском кургане Аржан в Туве VIII—VII вв. до н. э. (Грязнов, 1980), а также в курганах Алтая и в скифских могилах Северного Причерноморья, начиная, по крайней мере, с V в. до н. э. (Ольховский, 1991). Широко распространены захоронения в колодах в прохоровских комплексах IV—III вв. до н. э. (Мошкова, 1963; 22). Этот обычай сохраняется на протяжении длительного периода, судя по материалам Кокзельской культуры в Туве первой половины I тыс. н. э. (Вайнштейн, 1970), а также Западного Тянь-Шаня (Кибиров, 1959; 114), и Ферганы (Литвинский, 1972; 74). Изредка они встречаются в могильниках хунну Забайкалья и даже в Северной Корее (Заднепровский, 1991; 57). Колоды-гробы различаются по форме, размерам, породе дерева и характеру обработки. Особо выделяются пазырыкские колоды — саркофаги с проушинами и художественной резьбой на поверхности, представляющие подлинные произведения искусства. Колода из Чаухугоу относится к рядовым изделиям. Традиция использования колоды кочевниками Сильнцзяна генетически восходит к более раннему периоду соседнего Саяно-Алтая. Отметим, что в рассматриваемое время обряд погребения в колоде распространен на Восточном и Западном Тянь-Шане и в Фергане.

Третья разновидность деревянного гроба представлена в к. 18, относящаяся к тому же типу, что и к. 17 с колодой. В узкой могиле с заплечиками, на дне стоял досчатый гроб, от которого сохранилось дно и части стенок. Размеры его 1,45×0,58—0,3 м. Гроб расширяется к голове. Продольные доски выступают за пределы поперечных стенок с обеих сторон. В гробу находился костяк ребёнка 8 лет. В углу гроба был найден разбитый кувшин с ручкой, украшенный по тулову прорезным узором. За пределами гроба лежали кости и голова овцы. Дощатые гробы подобного типа, распространенные у кочевников, различались по своей форме и конструкции, в частности, по способу крепления. По ряду признаков гроб из к. 18 сходен с типичными гробами хунну Забайкалья (Коновалов, 1976; 156), относящимися практически к тому же времени, что и Чаухугоу III.

Как видим, в рассматриваемом могильнике представлены три отличающиеся по существенным особенностям разновидности деревянных гробов, и все они однотипны с теми, что встречаются во многих памятниках кочевников степей Евразии и, прежде всего, у племен, обитавших в соседних областях Саяно-Алтая, Семиречья (Западный Тянь-Шань) и Ферганы. По устройству погребальных сооружений и обряду погребения наибольшая близость наблюдается между номадами Восточного Тянь-Шаня и Семиречья — Ферганы.

Погребальный инвентарь беден. Особо мало оказалось глиняной посуды, и это отличает поздние могилы от ранних — сакаского времени. Мало было и предметов вооружения — лишь в двух могилах. Особый интерес вызывает к. 10, в котором оказался железный двухлезвийный кинжал без навершия, трехперый наконечник стрелы с черешком и костяная накладка на лук. Этот комплекс вооружения сходен с набором, характерным для Ферганских погребений (Сорокин, 1961; 150—151) и могильников на Средней Сыр-Дарье (Древности Чардары, 1968; 184), относящихся к первым вв. н. э. Из других железных изделий можно назвать ножи и кольца. Также мало было бронзовых предметов. Особо выделяется прекрасной сохранности ханьское зеркало типа TLV, обычно датированное I в. н. э. Отметим бронзовую пряжку овальной формы с подвижным язычком и прямоугольной обоймой, закрепленной заклепками на ремне. Форма пряжки широко распространенная. Имеется несколько украшений из золота и серебра, в том числе две упомянутые золотые накладки

из к. 7. Найден деревянный гребень, одно прясло. Довольно много было остатков шелка.

В инвентаре могильника отсутствуют находки, которые позволяли бы выявить особенности материальной культуры, характерные только для номадов Синьцзяна. Среди них нет, исключая упомянутое ханьское зеркало, точно датированных предметов. Поэтому китайские археологи в определении хронологии могильника Чаухугоу III опираются на семь радиоуглеродных дат, охватывающих период от 2155 ± 70 до 1830 ± 75 в пределах от 100 г. до н. э. и до 145 г. н. э. Это соответствует началу династий Восточных Хань. Вызывает некоторое сомнение лишь нижняя дата — I в. до н. э. На современном уровне археологической изученности культуры кочевников Центральной Азии более оправдано было бы расширение хронологических рамок и датировка в пределах от II в. до н. э. до II в. н. э.

Чтобы определить место и значение могильника Чаухугоу III для изучения малоизвестной истории номадов Синьцзяна, а также для постановки вопроса об их этнической принадлежности, следует охарактеризовать историческую обстановку эпохи. В Центральной Азии период II в. до н. э. — II в. н. э. — это время почти непрерывной и на первых порах успешной борьбы могущественной кочевой державы хунну с соседними кочевыми народами и прежде всего с юечжами и усунями. В результате ее, потерпев поражение, юечжи и усунь вынуждены были переселиться из глубин Азии на Запад. Путь их проходил через Западный Край (ныне Синьцзян). Они не могли миновать Восточный Тянь-Шань в своем движении в Семиречье (Западный Тянь-Шань). Здесь усунь, вытеснив юечжей, закрепились и основали независимое сильное кочевое владение. На их территории обитали и сосуществовали потомки местного сакского населения, оставшаяся здесь часть юечжей и сами усунь. Об этом сообщают китайские источники. Основная часть юечжей прошла Фергану и достигла Северной Бактрии. В истории Западного края усунь и юечжи сыграли важную роль и появление их на этой территории, несомненно, должно было отразиться в археологических памятниках.

Рассматриваемый период характеризуется также ожесточенным соперничеством хунну и Ханьской империи за господство в Западном крае, за контроль за караванными дорогами Великого Шелкового Пути.

Вполне понятно, почему китайские археологи, открывшие такой выразительный могильник кочевников ханьского времени, высказали предположение о принадлежности Чаухугоу III хуннам. Как я уже отметил, с таким заключением нельзя согласиться, поскольку по основным признакам могильник отличается от погребальных памятников, типичных для хунну.

Учитывая исторические сведения о разнородности кочевого населения Семиречья, можно допустить, что в Западном крае, в частности, в предгорной полосе Восточного Тянь-Шаня, в это же время обитали представители этих же этнических групп — потомки местных саксов, оставшаяся часть пришлых юечжей и усунь, владения которых на востоке простирались до районов к северу от Ялыци-Карашара.

Комплекс погребений Чаухугоу III резко отличается от курганов сакского времени в ранних частях могильника. Из этого следует вывод об отсутствии преемственности между ними и о хронологическом разрыве. Пока в Чаухугоу III не обнаружено достоверных погребений потомков сакского населения, имеются веские основания вслед за китайскими археологами, говорить о новой археологической культуре, связанной с появлением нового пришлого населения, каковым могли быть юечжи и усунь.

Проблема этнической атрибуции памятников юечжей и усуней встречает значительные затруднения и до сих пор не решена для Средней Азии (Заднепровский, 1971; 27/36) и для Западного Края (Синьцзян).

Независимо от этого, материалы Чаухугоу III, близкие памятникам Семиречья и Ферганы, имеют особое значение, поскольку документируют факт появления новой волны кочевников в Западном Крае (Синьцзяне) и позволяют охарактеризовать важный этап в их миграции на запад. Между отдельными группами погребений с могилами разной формы, представленными двумя основными типами—грунтовыми прямоугольными ямами и подбойными, вполне вероятно, имелись этнографические различия, обусловленные сложной социальной структурой общества и этнической разнородностью населения. Однако в нашем распоряжении отсутствуют основания для отождествления их с конкретным этносом. В этой связи следует обратить внимание на факт распространения подбойных могил на рубеже н. э. (II в. до н. э.—II в. н. э.), которые ныне изучены на основных участках переселения юечжей: Синьцзян—Семиречье—Фергана—Северная Бактрия.

Памятуя о недостаточности и уязвимости заключений об этнической принадлежности, основанной только на форме погребений, все же мне представляется, что распространение могильников с захоронениями в подбоях можно было бы рассматривать как отражение процесса расселения и передвижения юечжийских племен (Заднепровский, 1975; 295).

ТАКСИЛА И НОМАДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. 1997.*

Таксила — один из крупных городов древней Индии, расположенный в долине Инда на северо-западе субконтинента (ныне на территории Пакистана). Широкомасштабные археологические исследования, проведенные в 1913—1934 гг. Джоном Маршаллом¹, возглавлявшим длительное время Археологическую службу Индии, позволили на массовых материалах проследить историю города на протяжении тысячелетнего периода (середина I тыс. до н. э.—сер. I тыс. н. э.). Работы проводились на трех городищах; последовательно сменявших друг друга. Наиболее древним было поселение Бхир Маунд, существовавшее в VI—III вв. до н. э.

Второй город — Сиркап — был основан греко-бактрийскими завоевателями во II в. до н. э. После падения Греко-Бактрии под ударами номадов, Таксила была захвачена племенами Сака, и первым сакским царем Таксилы стал Мауес в 90 г. до н. э. Позднее город попал в руки скифо-парфян (индо-парфян) и в середине I в. н. э. был подчинен юечжами-кушанами. Несколько столетий, начиная с I в. до н. э., власть в Таксиле принадлежала правителям этих трех кочевых народов, что документируется многочисленными находками монет.

Основные раскопки Дж. Маршалла осуществлены на Сиркапе, занимавшем площадь более 100 га. За 22 сезона была вскрыта значительная часть города с улицами, жилыми кварталами, дворцовым и храмовым сооружениями. Собрана богатейшая коллекция находок в сако-парфянском и кушанском слоях. Материалы IV—II слоев датируются 90 г. до н. э. — 25 г. н. э., а верхний слой соответствует времени после завоевания кушан около 60 г. н. э. (1, с. 118). После контрольных раскопок 1944—1945 гг. внесены уточнения в датировки². Хронологические рамки первого периода охватывают 100 г. до н. э.—50 г. н. э., кушанского — 50—200 г. н. э.³.

* Работа публикуется впервые.

Итоги изучения города обобщены, и добытые материалы систематизированы в фундаментальном труде Дж. Маршалла. В результате исследований Таксила (Сиркап) является наиболее изученным индийским городом эллинистической эпохи и характеризует облик жизни и культуры городского населения, в котором весьма заметно греческое влияние. Вместе с тем в городе длительное время обитали представители трех кочевых народов, которым принадлежала вся полнота политической власти, и это не могло не отразиться в материальной культуре.

На кочевнические элементы в Таксиле первым в книге 1929 г. обратил внимание известный русский археолог М. И. Ростовцев⁴. Он отметил сходство ювелирных изделий — браслетов с инкрустацией с предметами сарматского звериного стиля. Позднее автор этих строк выделил ряд кочевнических предметов (удила, роговые псални и др.) по отчетам Дж. Маршалла в дипломе студента Ленинградского Университета (1950). Работа не опубликована.

В труде 1951 г. Дж. Маршалл пишет о скифском и сарматском влиянии на основании сравнения тех же браслетов, ссылаясь, в частности, и на книгу Ростовцева. По его мнению, например, роговые псални были привнесены парфянами. Но доказательств не приведено. Изображение удил с псалнями из рога козла, очевидно, из сборов А. Стейна в Восточном Туркестане не датированы и никак не связаны с парфянами. Вопрос о кочевническом компоненте в материальной культуре Таксилы в его работе не поставлен и в дальнейшем им специально никто не занимался.

Обратимся к конкретным материалам Таксилы (Сиркапа) и рассмотрим предметы трех категорий.

1. Предметы вооружения. В специфических типах железных мечей наиболее заметно проступает воздействие номадов. В каталог находок включены железные мечи только хорошей сохранности. Всего 8 мечей и кинжалов. Это лишь небольшая часть находок, поскольку автор оговаривает, что многие железные изделия фрагментированы и сильно корродированы. Все железные мечи датируются I в. н. э. Они представлены тремя типами:

I — прямой двулезвийный меч с узким стержнем, на котором крепилась рукоять из дерева или кости, без металлического навершия и с бронзовым ромбовидной формы перекирестием, длина 75,6 см. На двух других экземплярах этого

типа на стержне имеются по два отверстия для закрепления рукоятки (1-рl 164, 56—58).

II — кинжал, или точнее, короткий меч с прямым узким перекрестием и с серповидным навершием, на стержне два отверстия для закрепления рукояти. Два экземпляра, длиной 28,75 см и 27,5 см (1-рl. 164, 61, 62).

III — короткий меч с прямым и широким клинком, с прямоугольным брусковидным перекрестием, с обломанным навершием (1-рl. 160, 60).

По форме и всем деталям, а также по размерам первые два типа сходны и даже идентичны мечам кочевых народов степей Евразии. Лучше всего изучено оружие сарматов, обитавших в степях между Доном и Южным Уралом. Только в этом регионе раскопано более 3000 погребений сарматов, и во многих было положено оружие. Этим находкам и исследованию типологии и эволюции оружия посвящена большая литература на русском языке. Последняя сводка находок мечей, относящихся только к раннему и среднесарматскому периодам, охватывающим время от III в. до н. э. до I в. н. э., включает 474 меча, форма которых достоверно определена⁵. Классификация мечей основана на особенностях перекрестия и навершия. Сарматы использовали мечи разной формы. Всего выделено 9 типов.

Короткие мечи Таксилы II типа с прямым перекрестием и серповидным навершием идентичны сарматским мечам I типа. Таких мечей известно 208 экз. Они по размерам подразделены на короткие мечи длиной 18—58 см (147 экз.) и длинные — 76,5—130 см⁵. Они ничем не отличаются, за исключением размеров. По метрическим показателям не удалось выделить кинжалы и поэтому оружие, которое Дж. Маршалл назвал кинжалами, следует относить к группе коротких мечей. Их сходство с мечами сарматов в литературе было отмечено ранее⁶. Мечи с серповидным навершием у сарматов появились на рубеже IV—III вв. до н. э., применялись в течение нескольких веков и предшествуют находкам в Таксиле.

Аналогичные мечи с серповидным навершием были распространены также у кочевников Центральной Азии и найдены в курганах Самаркандского оазиса⁷ и в нескольких могильниках Северной Бактрии^{8—9}. Все эти памятники принадлежат кочевникам, которые принимали участие в крушении Греко-Бактрии и в создании государства кушан. Таким образом, можно с достаточным основанием считать, что это типичное

для кочевников оружие, было привнесено в Северо-Западную Индию, в Таксилу номадами Центральной Азии.

Длинные мечи I типа Таксилы с бронзовым перекрестием и без металлического навершия соответствуют VII типу мечей сарматов. Это был редкий тип оружия, поскольку на обширной территории насчитывается всего четыре находки. Они датируются I в. н. э.⁵ Количество подобных мечей в Таксиле и в сарматских памятниках почти одинаково и относятся они к одному периоду. Немногим больше таких мечей найдено в Центральной Азии: на севере — в могильнике Шаушукум в средней части долины Сыр-Дарьи¹⁰; по одному в двух могильниках Бухарского оазиса⁷ и на юге — в Северной Бактрии⁹. Мечи из бухарских могильников относят к концу II в. до н. э.—I в. н. э. и, возможно, они раньше мечей Таксилы. Единичные находки мечей этого типа распространены на очень большой территории и, весьма возможно, центр производства их находился в ином месте, в восточной части Евразии. На позднем этапе, в I в. н. э. применяли одновременно мечи двух типов в обширном ареале.

Третий тип короткого меча из Таксилы не находит аналогий в культуре кочевников.

С появлением длинных всаднических мечей произошли изменения в способе крепления их к поясу и появились для этого специальные скобы из нефрита, халцедона и др. Скобы крепились к ножнам и через отверстие в них проходил ремешок, подвязанный к портупее, и меч легко передвигался по ремню. Эти скобы, различавшиеся по форме и украшению, были распространены в сарматскую эпоху от Кореи до Восточной Европы¹¹.

Две такие скобы найдены в Таксиле и в каталоге отнесены к предметам неизвестного назначения (1-р. 508). Они изготовлены из мрамора белого и серого цвета, с большим овальным отверстием в середине, длинный конец у обоих обломан. Эти находки в музее Таксилы специально исследовали и определили их назначение¹². По его мнению, именно юечжи первыми стали применять длинные мечи и использовать скобы для подвешивания к портупее. Скобы из Таксилы отличаются от типичных изделий в деталях, они являются имитацией. По заключению Trousdall скобы появились с завоеванием города кушанами. Способ ношения мечей на ремне со скобой применялся во все время существования государства кушан и это засвидетельствовано большой серией скульптурных и рельефных изображений кушанских царей и вои-

нов с оружием, опубликованных в его книге. С этим приспособлением кушаны ознакомили население Трансоксианы и Бактрии. Это предположение подтверждено недавней находкой в Орлатском могильнике вблизи Самарканда¹³. Найденный в катакомбной могиле рубежа н. э. возле короткого железного меча с перекрестием из нефрита каменный предмет с большим овальным отверстием в середине по форме и размерам идентичен скобам Таксилы. Отличие только в отсутствии круглого отверстия в выступе.

II. Предметы конской упряжи. Железные кованые удила, найденные в Сиркапе, состоят из прямоугольного в сечении стержня с внутренними малыми и большими круглыми кольцами на внешних концах (1-ch. 27, group C). Особенности изготовления хорошо заметны на фотографии (1-pl. 205 с.). Три опубликованные образца незначительно различаются только по размерам — 21,5, 18,7 и 19,6 см. Кольчатые удила употреблялись на протяжении длительного времени и форма их мало изменилась. Это затрудняет сравнительное изучение удил. Так, например, удила Таксилы очень близки находкам в знаменитых Пазырыкских курганах Алтая скифской эпохи. Только стержень у них в сечении круглой формы. Возможно, это объясняется тем, что рано была создана оптимальная форма удил, которая и удержалась надолго.

Железные удила в Таксиле применяли как с железными, так и с роговыми псалиями (трэнзеями). Факт использования последних в крупном эллинистическом городе I в. н. э., это явный анахронизм. Псалии из рога и кости происходят из парфянских слоев Сиркапа и из южного участка — Махал (1-ch. 32, group E, class XIX). Опубликовано четыре экземпляра:

1. Псалий из рога с двумя обломанными отростками, длина 21,8 см. В средней части два круглых отверстия, основание украшено тремя резными параллельными линиями.

2. Псалий из кости, изогнутый в подражание рогу, с двумя отверстиями в нижней части, длина 10 см. Найден в блоке С¹ к юго-западу от храма.

3. Псалий из рога, изогнутой формы, с двумя отверстиями. Длина 15,8 см. Основание украшено резными линиями и шевроном. Найден в блоке К, в одном из помещений дворца.

4. Псалий в виде прямой пластины с двумя отверстиями, обломан. Найден на территории Махал.

Три псалия найдены в Центральной части города, в которой обитали представители привилегированных слоев населения, а один — в пределах дворца.

Никаких предположений об устройстве уздечки и способе крепления псалиев нет в книге Дж. Маршалла. И разобраться в этом помогают многочисленные находки конской упряжи в курганах Южной Сибири и Центральной Азии, и, прежде всего, исследования упряжи коней из Пазырыкских курганов С. И. Руденко и М. П. Грязнова¹⁴⁻¹⁵.

Второй и третий псалии Таксилы по форме сходны с простыми роговыми псалиями из 2 кургана Пазырыка. В пазырыкской уздечке псалии продеты во внешние широкие кольца удила острием вниз. В вертикальном положении они удерживались щечным ремнем, передний конец которых разделен надвое для крепления с псалиями. Для этого и предназначалось два отверстия на псалиях. О том, что именно такой способ крепления использовали в Таксиле, можно судить по заметным следам стертости между отверстиями второго псалия. Подобное устройство узды было распространено в скифское время, с V в. до н. э. в степях Евразии. Удержалось оно в течение нескольких столетий, о чем свидетельствуют находки роговых двухдырчатых псалиев. Так например, они встречены на рубеже н. э., например, в могильниках хунну в Монголии¹⁵. Сходство устройства узды Таксилы и Пазырыка не вызывает сомнения, и появление такой архаической формы ее в материалах I в. н. э. Сиркапа можно отнести только за счет влияния помадов Центральной Азии. Уздечные наборы, найденные в постройках центральной части города и в пределах дворца, очевидно, принадлежали военной дружине и правящей элите кочевнического происхождения, сохранявших ценные кочевниками предметы традиционной культуры.

К конской сбруе следует добавить бронзовую пряжку. Эта уникальная находка не попала в книгу Дж. Маршалла. Она опубликована им в ARASI 1914—1915, pl. XXIV—25. Пряжка кольцевидной формы с трапециевидной рамкой, без крючка и без узора, длиной 4 см. Подобные обычные пряжки составляли неременную принадлежность конского снаряжения у кочевников скифского времени, особенно у племен Тувы, Минусинского края, Алтая. Идентичная по форме пряжка найдена в хуннском кургане Ноин-Улы в Монголии (16-fig. 40a), и, следовательно, они были в употреблении до рубежа н. э. В комплексе Сиркапа эта пряжка резко

выделяется и может служить еще одним показателем сохранения традиционной культуры номадов Центральной Азии.

III. Предметы утилитарного и религиозно-магического значения. Зеркала. В книге Дж. Маршалла описаны четыре зеркала двух типов (1-ch. 28, group B, class VII): I тип — круглое зеркало, диаметром 11,8 см с широким валиком и коническим выступом в центре (названным омфалом), со стержнем длиной 4 см для насадки рукояти, которая найдена отдельно. Костяная цилиндрическая рукоять украшена горизонтальными резными линиями. Вариант этого типа представлен зеркалом в два раза меньшего размера, диаметром 5,45 см, II тип — такие же зеркала, только с фигурным украшением валика фасетками (1-pl. 181, № 209).

Изображение зеркала наиболее характерного первого типа отсутствует в книге. Автору этих строк довелось изучить несколько зеркал из Таксилы в музеях Индии. Два зеркала из Сиркапа, хранящиеся в музее в Калькутте, и одно — в Патне, точно соответствуют описанию I типа Дж. Маршалла. В Национальном музее в Дели выявлено зеркало из Таксилы третьего типа. Это круглое плоское зеркало с плоской клиновидной ручкой-стержнем, отлитом в одной форме¹⁷. Таким образом, в материалах Таксилы имеются зеркала не менее трех разновидностей. Все они происходят из сако-парфянского слоя I в. до н. э.—I в. н. э. Зеркала медные, а не бронзовые. Они обнаружены в нескольких жилых комплексах (блоках) в центре города, а также в южной части Махал. Здесь в одной из комнат открыт клад из 60 бронзовых и серебряных предметов и среди них 19 зеркал, в том числе с фигурным валиком (1-р. 215). Всего в Сиркопе найдено не менее 28 зеркал. Зеркала трех разновидностей (типов) бытовали в одно и то же время, в период становления и расцвета государства кушан. Они не имеют местных прототипов. О их происхождении Дж. Маршалл высказал противоречивые суждения. С одной стороны, что они копируют западные образцы (1-р. 584), имея в виду, очевидно, эллинистическо-римские образцы, а с другой, что эти зеркала привнесены греками или их преемниками Сака или Парфянами (1-р. 658), т. е. кочевыми народами, захватившими город. Никаких доказательств в пользу той или другой точки зрения не приведено.

В нашей литературе уже давно было отмечено общее сходство находок из Таксилы с сарматскими зеркалами. В настоящее время после выделения трех типов в материалах Таксилы и разработки новой классификации сарматских

зеркал⁵ можно сделать более определенные заключения. Перечисленные разновидности по форме, деталям и размерам ничем не отличаются от сарматских, они идентичны. Совпадают также формы костяных рукоятей с широким основанием — подставкой, похожие на гриб. Первый тип Таксилы соответствует типу 6.7. Сарматские зеркала с такой же фацетировкой валика считают вариантом этого типа. Третий тип идентичен сарматским зеркалам типа 1.6. Особо подчеркнем, что все эти разновидности, также как в Таксиле, сосуществуют в один и тот же период. Они датированы I—началом II вв. н. э., следовательно, употреблялись почти в одно и то же время. Но ассортимент зеркал у сарматов был более разнообразным и совпадают они только частично.

Некоторые типы сарматских зеркал имеют местные прототипы. Так, зеркала типа 1.6 с плоским диском и плоской клиновидной ручкой восходят к образцам, известным у предшествующих племен середины I тыс. до н. э. Зеркала с валиком, но без конусовидной выпуклости в центре, появились в этом регионе на рубеже IV—III вв. до н. э. и были в употреблении в IV—II вв. до н. э.—I в. н. э. Остается неизвестным, где и когда появились такие зеркала с выпуклостью в центре. Единичные образцы их относят к концу периода IV—II вв. до н. э.⁸

Аналогичные предметы туалета обнаружены в Центральной Азии в курганах кочевого населения с I в. до н. э. по III—IV вв. н. э., и они распространены от Приаралья, Сыр-Дарьи и до Аму-Дарьи. Ареал зеркал I типа охватывает огромную территорию от Южного Урала на севере и до Брахмапури и Патны в Индии на юге¹⁷. Факт столь широкого распространения почти в один и тот же период необходимо учитывать при решении вопросов их атрибуции и генезиса.

Разматриваемые типы зеркал составляли неперемный компонент традиционной культуры кочевников. Зеркала, имевшие не только утилитарное, но и религиозно-магическое значение, использовали в разных ритуалах. Они играли значительную роль в погребальном обряде сарматов и кочевников Центральной Азии. В восточной части Евразии (Сибирь, Алтай) бытовали зеркала иных типов. В Индии такие зеркала найдены в Таксиле и других древних городах и, следовательно, принадлежали оседлому городскому населению, скорее всего политически господствующим группам осевших завоевателей юечжей — кушан. Они появились, как и другие рассмотренные кочевнические изделия с приходом кочевников.

Костяные ложки. Две ложки из Сиркапа отнесены к домашней утвари (1-ch. 32, group C, class XI). Одна происходит из греко-бактрийского слоя, другая — сако-парфянского. Головка ложки вырезана из одного куска кости вместе с плоской ручкой, таким образом, что верхняя их плоскость горизонтально плоская и углубление головки незначительно. Длина с обломанной ручкой 10,6 см. От второй сохранилась только головка ложки длиной 4,3 см. Аналогичные костяные ложки, наряду с деревянными и металлическими, составляют обязательную принадлежность погребального инвентаря у кочевников скифо-сарматского круга. находки из Таксилы относятся к типу ложек, у которых головка резко отделена от ручки.

В недавно опубликованной сводке учтены около 170 погребений VI в. до н. э.—I в. н. э. с такими ложками на территории от Дона до Южного Урала. Они встречены в женских и мужских погребениях. Ложки применялись в ритуалах жертвоприношения сходных с индоарийскими обрядами и наряду с утилитарным имели культовое значение. Подобные костяные ложки также известны у населения Центральной Азии. Эти редкие в Таксиле находки имеют многочисленные аналогии в более ранних памятниках кочевников и несомненно привнесены номадами с севера. Они служат выразительным показателем сохранения пришельцами культурной традиции кочевников.

Заключая, можно констатировать, что количество предметов кочевнического происхождения в Таксиле ограничено. Естественно, до нас дошли лишь незначительные следы культуры былых кочевников. Как показывают материалы раскопок, недавние номады, осевшие в городе, в хозяйстве и быту использовали такие же орудия и материальные предметы, что и местное индийское население. Почти все рассмотренные предметы находят массовые аналогии в культурах кочевников степей Евразии и Центральной Азии. Сравнительное изучение позволяет установить истоки происхождения ведущих компонентов культуры номадов и свидетельствует об устойчивости их этнокультурной традиции.

Состояние археологической изученности и развития этноархеологии не дает возможности однозначно увязывать отдельные предметы с тем или иным кочевым народом. В совокупности же они в конечном итоге документируют определенный вклад номадов Центральной Азии в сложение культуры Кушанского царства.

ЛИТЕРАТУРА

1. J. Marshall. 1951. Taxila. Cambridge. Vol. 2.
2. A. Ghosh. 1947—48. Taxila (Sirkap), 1944—5 //Ancient India. № 4.
3. Y. D. Sharma. 1953. Exploration of Historical Sites. //Ancient India. № 9.
4. M. Rostovtzeff. 1929. The animal style in South Russia and China. Princenton Univ. Press.
5. А. С. Скрипкин. 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
6. Б. Я. Ставиский. 1964. Средняя Азия. Индия. Рим: К вопросу о международных связях в кушанский период//Индия в древности. Москва.
7. О. В. Обельченко. 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда//Советская археология. № 4.
8. А. М. Мандельштам. 1966. Кочевники на пути в Индию. Москва—Ленинград.
9. Б. А. Литвинский, А. В. Седов. 1984. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Москва.
10. Древности Чардары. 1968. Алма-Ата.
11. А. М. Хазанов. 1971. Очерки военного дела сарматов. Москва.
12. W. Trousdall. 1975. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. //Smithsonian contribution to anthropology. № 17.
13. Г. А. Пугаченкова. 1989. Древности Мнанкаля. Ташкент.
14. С. П. Руденко. 1948. Второй Пазырыковский курган. Ленинград.
15. М. П. Грязнов. 1950. Первый Пазырыковский курган. Ленинград.
16. S. I. Rudenko. 1969. Die Kultur der Hsiung-Nu und die Hügelgräber von Noin Ula. Bonn.
17. Ю. А. Заднепровский. 1993. Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и в Южном Вьетнаме//Петербургский археологический вестник. № 7.
18. М. Г. Мошкова. 1963. Памятники прохоровской культуры. Москва.
19. В. К. Федоров. 1992. Савромато-сарматские костяные ложечки: К вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры//Башкирский край. Вып. 2.

III. БУХАРА И КОЧЕВОЙ МИР

ДРЕВНИЕ НОМАДЫ НА ПЕРИФЕРИИ БУХАРСКОГО И САМАРКАНДСКОГО СОГДА

//Материалы I Междунар. симпозиума «Бухара и мировая культура». Вып. 1. Бухара, 1994.

1. В истории населения долины Зеравшана, одной из важнейших частей древнего Согда, можно выделить несколько узловых периодов. Среди них — период борьбы кочевников с Греко-Бактрией и становления юечжо-кушанской государственности. В этих судьбоносных событиях участвовали по античным источникам несколько народов. Более полный список Страбона включает асиев, пасиан, тохар, сакаравалов. По китайским сведениям участвовали только юечжи. Попытка согласовать данные этих источников до сих пор не решена. Очевидно лишь одно, что вторжение номадов шло с севера от Яксарта (Сыр-Дарьи) и из глубин Центральной Азии. В любом случае эти кочевники не могли на своем пути миновать долину Зеравшана.

2. Решение спорных вопросов «темного периода» возможно, как справедливо отмечено, только на основе анализа археологических материалов. Первоисследователь курганов Зеравшана О. В. Обельченко появление их связал с вторжением во II—I вв. до н. э. сарматов (Обельченко, 1954—1992). В настоящее время это заключение не может быть принято без существенных коррективов. Ситуация в долине, особенно в свете новейших раскопок, оказалась более сложной. Здесь кроме захоронений в грунтовых могилах, открыты курганы с подбоями и катакомбами разного устройства. Сосуществование в одном районе и в одно и то же время разных по устройству погребальных сооружений было широко распространено у номадов Средней и Центральной Азии. Оно являлось, видимо, результатом неоднородности этнического состава, различия религиозных представлений и других факторов, которые требуют специального изучения.

3. Значительный вклад внес А. М. Мандельштам, наметив цель и пути решения проблемы. Могильники с подбойными захоронениями Тулхар и Аруктау в Северной Бактрии он отождествил с памятниками юечжей (Мандельштам, 1966, 1975, 1978, 1984).

4. В последние годы в литературе высказаны новые гипотезы о локализации юечжей на их пути на юг. По сведе-

ниям Ши-Цзы они находились к западу от Давани (Ферганы) и к северу от реки Гуйшуй, которую обычно отождествляют с Аму-Дарьей. Часто это сообщение просто обходят (Ставиский, 1977, с. 100). Л. А. Боровкова первой высказала сомнение относительно такой идентификации, поскольку Аму-Дарья не протекает около Ферганы и предложила сопоставить ее с Сыр-Дарьей (Боровкова, 1989). По ряду причин с этим невозможно согласиться, и автор выдвинул иное отождествление реки Гуйшуй с Зеравшаном (Заднепровский, 1991, с. 186), которая протекает в широтном направлении и к югу от нее действительно расположена Бактрия. Независимо от того, получит ли это отождествление признание, совершенно очевидно, что на своем долгом пути юечжей долина Зеравшана явилась благоприятным местом для остановки и перегруппировки сил для дальнейшего похода.

5. Следовательно, имеются косвенные основания говорить о пребывании юечжей в долине Зеравшана. Развивая гипотезу А. М. Мандельштама (подбоя Бактрии — юечжи), автор в ряде работ приводит данные о том, что распространение могильников с подбоями на рубеже н. э. в Семиречье, Фергане, Бухаре, Северной Бактрии маркируют расселение и миграцию юечжей в пределах Средней Азии (Заднепровский, 1971, 1975, 1984, 1992). Недавние открытия китайских археологов аналогичных памятников в Синьцзяне и на предполагаемой прародине юечжей в Ганьсу подкрепляют этническую идентификацию могильников с подбоями с юечжами (Заднепровский, Лубо, 1992; Заднепровский, 1993).

6. В нескольких могильниках О. В. Обельченко, и прежде всего в Лявандакском, открыл катакомбы, камеры которых служат прямым продолжением дромоса с южной ориентацией погребенных (катакомбы этого типа названы лявандакскими. (Заднепровский, 1975а). Именно эти материалы и послужили основанием для сарматской гипотезы происхождения курганов Зеравшана. Однако, в это же самое время аналогичные по устройству катакомбы исследовал в Южной Туркмении А. А. Марущенко. Он справедливо сопоставил их с дахами-парнами — племенем прохоровской культуры масагетского происхождения по современным предположениям. (Марущенко, 1959). Это заключение на больших материалах поддержал А. А. Мандельштам (1971, 1972), а также Заднепровский (1993), Никоноров (1987). Этническая атрибуция Марущенко—Мандельштама на современном уровне наиболее вероятна. Таким образом, намечается второй этнический ком-

понент номадов, обитавших в долине Зеравшана в канун крушения Греко-Бактрии.

7. Особый интерес вызывают катакомбные могилы иного устройства, у которых дромос расположен перпендикулярно камере. Наиболее ценные результаты дали раскопки могильника Орлат у городища Курган-тюбе (Пугаченкова, 1983, 1987, 1989), ср. также Иваницкий и Иневаткина (1988). Г. А. Пугаченкова приводит убедительные доводы, что в Орлате захоронены кангюйцы, которые во II в. до н. э. захватили Согд. Окончательные выводы относительно Орлатского могильника делать рано. Но целая серия находок каунчинских материалов на памятниках Зеравшана маркируют продвижение носителей культуры Каунчи на юг. Мандельштам высказал гипотезу, что такие катакомбы в Бухарском оазисе принадлежали сакаравакам (Мандельштам, 1978, с. 140; 1984, с. 176). Уместно вспомнить, что еще С. П. Толстов вслед за А. Гутшмидтом разделял положение, что сакарауки (сакараваки) — это Кангюй китайских источников (Толстов, 1940; с. 206; Литвинский, 1972, с. 170—172).

8. Сопоставление с кангюйцами весьма перспективно. Автор в работе «Некоторые проблемы истории Древнего Кангюя» (см. с. 44—60) выделил восемь географических групп таких катакомбных памятников кочевников, ареал которых совпадает с предполагаемыми границами Кангюя в период его наивысшего могущества. Определенно можно сказать, что курганы кочевников во II в. до н. э.—II в. н. э. в Бухарском и Самаркандском Согде, как и в других южных областях привнесены номадами с Севера.

9. Исключительно важна мысль Г. А. Пугаченковой (1989) о согдийско-кангюйском симбиозе в искусстве по материалам Орлата. На известных пластинках, по ее мнению, изображены сцены междуусобного сражения кангюйцев, поскольку у всех персонажей одинаков физический тип, оружие и одежда. Однако, возможно, также иное толкование этих сцен. В могильнике Субаши рубежа н. э. в Синьцзяне в 1980 г. найден головной убор — шлем с полым штырем, идентичный по всем деталям со шлемом, изображенным на орлатских пластинках. Поскольку у нас нет данных о пребывании кангюйцев на востоке Синьцзяна, то можно полагать, что этот головной убор характерен для юечжей и в таком случае толковать изображение как сцены сражения кангюйцев с юечжами.

10. Из всего сказанного следует, что в настоящее время

по археологическим данным, могут быть выделены три этнических компонента, сыгравших важную роль в древней истории юга Средней Азии и оставивших значительный след в исторических судьбах населения Бухарского и Самаркандского Согда в период разгрома Греко-Бактрии и становления мировой Кушанской империи.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОМАДОВ И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ БУХАРСКОГО ОАЗИСА В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД. 1997*

На северо-восточной и северной окраине Бухарского оазиса О. В. Обельченко (1992, с. 62) исследовал шесть могильников кочевников. В «Археологии СССР», в разделе А. М. Мандельштама (1992, с. 109) по ошибке, видимо, редакторов указано, что изучено было 7 могильников, т. к. в этот список были включены две могилы, доследованные в 1940 г. В. А. Шишкиным (1940, с. 17) у сел. Янгикурганча в зоне Катта-Курганского водохранилища на территории Самаркандской области. Большинство древних курганов Обельченко вскрыл на левобережье Зеравшана в степи Малик, представляющую удобную для кочевников экологическую нишу не пригодную для земледелия. Пять могильников вытянуты вдоль берега на участке длиной около 40 км. Первый — Куюмазарский могильник расположен в 20 км к СВ от Бухар (23 км от г. Каган). Пятый — Хазаринский могильник, включая 500 насыпей, разбросанных группами на расстоянии 25 км. Курганы Куюмазара находятся в 500 м от древней оборонительной стены Кампыр-Дувал, окружавшей почти со всех сторон Бухарский оазис. Близкое расположение могильника возле стены ставит вопросы о функциональном ее назначении, против кого она была обращена и каковы были отношения оседлого населения и номадов, хоронивших сородичей у подошвы оборонительной стены. Это имеет и более общее значение для выяснения характера взаимоотношений оседлых и кочевых общин. О тесных связях свидетельствует также состав погребального инвентаря в могилах, и прежде всего, сходство ремесленной посуды с находками в двух шурфах, заложенных О. В. Обельченко на соседних поселениях Лявандак и Ходжа-Аджувандытепе, тесно связанных с оборонительной стеной. В последние десятилетия после завершения О. В. Обельченко раскопок курганов в Бухарском оазисе.

* Работа публикуется впервые.

исследованы многие древние поселения и получен огромный материал для характеристики взаимоотношений.

В северной части Бухарского оазиса в Кенимехской степи в Калканском могильнике О. В. Обельченко вскрыл несколько захоронений в грунтовых могилах сакского времени VII—III вв. до н. э. Аналогичные погребения выявлены в соседнем могильнике Хазара и одно в Кызылтепинском (Обельченко, 1992, с. 63). Значительно позднее в Кенимехской степи, кроме упомянутого могильника, открыты поселения эпохи железа VI—V вв. до н. э. Чордара, Кумрабад, Арабон 1—2 (Мухамеджанов, 1994, с. 30). Следовательно, кочевники саки здесь обитали по соседству с оседлым населением. На этих поселениях, помимо сырцово-архитектуры, найдены также землянки (Адылов, 1994, с. 43—44).

На рубеже н. э. погребения кочевников появляются в центральной и южной частях оазиса. Совершенно непонятно, по каким причинам О. В. Обельченко не включил в перечень памятников кочевников погребение, открытое в 1955 г. в развалинах постройки Кызыл-Кыр 1 (в 40 км к СЗ от Бухары). Скелет женщины в вытянутом положении лежал головой на северо-восток, несколько повернут на левый бок. Костяк хорошей сохранности. Около головы лежал череп барана, в ногах — круглое бронзовое зеркало с короткой рукоятью. На шее три крупные золотые подвески, соединенные между собой и подвешенные на шею пятью нитями жемчуга. Плоскости подвесок украшены мелкой зернью и имеют овальные гнезда для инкрустации камнями, которые не сохранились. На груди, окружая шею, и возле щиколоток ног лежало 90 мелких (размер 0,8 см) полусферической формы золотых бляшек, с внутренней стороны их припаяны железные ушки. По статиграфическим данным, исследователи исключают возможность специального захоронения и считают нахождение костяка в шурфе результатом катастрофы и пожара. На рубеже н. э. новая катастрофа уничтожила это здание окончательно (Нильсен, 1959, с. 76—77; Мухамеджанов, 1978). Это была незаурядная женщина, и, судя по богатству украшений, она принадлежала к родовой знати, и это погребение в известной мере можно сопоставить с княжескими погребениями Тилля-Теле.

Особый интерес вызывает физический облик ее. Она относится к монголоидному брахикранному типу центрально-азиатского происхождения (Зезенкова, 1961, с. 303—305; Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 109). По данным антрополо-

гии, она принадлежала к кочевникам, пришедшим на рубеже н. э. из глубин Азии. О дате свидетельствуют находки двух серебряных монет — подражаний тетрадрахмам Евтидема, которые чеканили со II в. до н. э. до III—IV вв. н. э. К сожалению, ни чертежей, ни рисунков находок этого уникального погребения не опубликовано.

В 1957—1959 гг. раскопано расположенное рядом поселение Кызыл-Кыр II, на котором открыты две четырехугольные землянки. Внутри землянок и вокруг очагов оказалось много станковых и лепных сосудов, сходных с керамикой каунчинской культуры, зернотерки, железные ножи, трехлопастной железный наконечник стрелы, две пастовые подвески в виде кисти вниотрада и кулака, а также несколько терракот. Особо интересна находка серебряной монеты Гиркода, находившихся в обращении в Бухаре на рубеже н. э. (Мухамеджанов, 1983, с. 41—48). Находки на Кызыл-Кыре I—II имеют значение для сопоставления с материалами курганов, изученных О. В. Обельченко и каунчинскими памятниками.

В последние годы найдены отдельные части разрушенных погребений с обломками мечей и кинжалов I в. н. э. восточнее цитадели Пайкенда и в ряде пунктов вблизи города. Эти находки автор справедливо рассматривает как показатель участия кочевого населения в урбанизации края (Мирзаахмедов, 1990, с. 116).

Как видим, количество выявленных памятников кочевников в Бухарском оазисе очень мало, хотя долина Зеравшана была одним из основных путей движения кочевых племен на юг. Поэтому первоочередной задачей должны быть поиски новых могильников древних кочевников. За последние годы удалось значительно увеличить численность разновременных поселений. В монографии В. А. Шишкина (1963) говорится о 500 городищах и поселениях в Бухарском оазисе. В диссертации Р. А. Абдиримова (1988, с. 20) названо античных памятников 170, раннесредневековых 350 — всего 520, не считая средневековых объектов.

В отличие от Северной Бактрии для памятников кочевников Бухары можно выделить следующие три специфических признака:

1. большое разнообразие типов могильных сооружений (катакомбы двух разновидностей, подбой, грунтовые могилы и др.), что является убедительным показателем разнородности кочевого населения;

2. этническая пестрота номадов выражается также в антропологических материалах и представлена разными вариантами европеоидной расы, монголоидной и наличием монголоидной примеси (Ходжайов. 1990);

3. в культуре Бухары проявляется сильное воздействие каунчинской культуры, носителями которой являлись кангюйцы. Проникновение кангюйцев в Бухарский и Самаркандский Согд оказало значительное влияние на развитие исторических процессов в этих регионах.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ САРМАТОВ: PRO И CONTRA//Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов. Волгоград, 1994

1. 40 лет тому назад впервые было высказано предположение о проникновении сарматов во II—I вв. до н. э. на юго-восток, в пределы Средней Азии, в глубинные районы Среднеазиатского междуречья. О. В. Обельченко исследовал курганы в Бухарском оазисе и связал появление их с приходом кочевоего населения из Приуралья и прилегающих к нему районов (Обельченко, 1954, с. 16). Он опирался на сходство устройства могил, обряда погребения и состава инвентаря с сарматскими памятниками, на «сарматообразном облике могильников». Позднее аналогичные курганы были им открыты в Самаркандском оазисе и также сопоставлены с племенами скифо-сарматского происхождения (Обельченко, 1967, с. 187). В публикации материалов Лявандакского могильника большое внимание уделено событиям, связанным с передвижением кочевников и крушением Грско-Бактрии. Обельченко приходит к заключению, что сведения китайских источников об участии юечжей ошибочны. Основная роль принадлежала сарматам, которые вторглись в Среднюю Азию и завоевали ее. Исходный район переселения включает территорию от Нижней Волги и Приуралья до Алтая (Обельченко, 1961, с. 170—176). Совершенно явное, никем не замеченное, противоречие. До сих пор восточная граница расселения сарматов не определена и обычно ее ограничивают Западным Казахстаном. На остальной территории до Алтая обитали, по видимому, иные племена, пока мало нам известные. Из этого следует, что в движении должны были участвовать не только сарматы, и экспансия была не только на юго-восток. Позднее появился третий вариант — территория Северного Казахстана между Алтаем и Уралом, откуда кочевые народы

двигались на запад и на юг, в южные районы Средней Азии (Обельченко, 1974, с. 208). Все эти гипотезы на больших материалах и более подробно изложены в его книге (Обельченко, 1992).

2. Гипотеза О. В. Обельченко получила определенное признание среди сарматологов. Она была поддержана К. Ф. Смирновым (1964, с. 288; 1984, с. 117), А. С. Скрипкиным (1984, с. 92), М. Г. Мошковой (1988, с. 99). Положение о юго-западной экспансии сарматов постулировано в обобщающем труде «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время». Археология СССР. (Мошкова, 1989, с. 163).

3. Иначе отнеслись к гипотезе Обельченко среднеазиатские археологи. В. А. Шишкин — ведущий исследователь древностей Бухары, который обследовал эти курганы еще в 1934 г., отметил большое сходство раскопанных курганов с сарматскими, что, по его мнению, свидетельствует о каких-то культурных и, возможно, этнических связях (Шишкин, 1963, с. 18). В докладе на международной конференции в Душанбе 1968 г. А. М. Мандельштам утверждает, что нет оснований отождествлять кочевников, появившихся в Северной Бактрии с собственно сарматами, и предполагать какие-то передвижения или военные походы последних с северо-запада на юг Средней Азии (Мандельштам, 1974, с. 193). В докладе на той же конференции автор этих строк выделяет группу памятников с подобными погребениями Южного Таджикистана, Бухарского оазиса и Ферганы и распространение их рассматривает как отражение расселения и передвижения юечжийских племен в Средней Азии (Заднепровский, 1975, с. 295). В книге «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время». Археология СССР (1992). Материалы Обельченко охарактеризованы в отдельном разделе Мандельштама (текст написан в конце 70-х гг.). Кроме оговорок об условности датировок он внес существенные изменения в их интерпретацию, полностью исключил положение о юго-восточной экспансии. Ведущая роль в событиях II—I вв. до н. э., по мнению Мандельштама, принадлежала племенам центральноазиатского происхождения, под общим наименованием юечжей. Основы его концепции изложены в ряде работ (Мандельштам, 1972, 1975, 1978).

4. В литературе, как видим, высказаны взаимоисключающие суждения о вторжении сарматов в Среднюю Азию. До сих пор никто критически не рассмотрел гипотезу Обельченко, на которой и основывается положение о юго-восточной

экспансии. В данном докладе предпринята первая такая попытка. Прежде всего следует иметь в виду, что исследования Обельченко проводились в 50-х гг., когда мало было известно о памятниках кочевников Средней Азии и естественно было обращение к лучше изученным культурам. Затем ему повезло найти в курганах монеты, позволившие определить абсолютную дату II—I вв. до н. э. И, наконец, в силу разных причин, сводная его работа появилась только в 1992 г. В ней мало планов и разрезов, не охарактеризованы комплексы и др. Приемы проработки материалов не удовлетворяют современным требованиям. Но в целом она дает более полное представление об исследованных памятниках.

5. Остановимся на некоторых общих положениях, которые не были приняты во внимание: 1. все раннесарматские погребения являются впускными в насыпи предшествующего периода. Индивидуальные насыпи впервые появились в среднесарматский период (I в. до н.э.—I в. н. э.) и преобладают в позднесарматское время. Совсем иное в бухарских могильниках — все погребения располагаются под отдельными насыпями; 2. погребения в катакомбах, камеры которых являются продолжением дромоса (II тип по К. Ф. Смирнову, 1972, Лявандакский тип — Заднепровский, 1975а) совершенно не известны в ареале от Приуралья до Алтая. В Приуралье и Поволжье они составляют только 1—2%, и при таком мизерном количестве нельзя говорить о характерности их для сарматов (Мошкова, 1983, с. 23—24). Следовательно, сходство этих катакомб не может служить доказательством переселения сарматов, тем более значительном (в первых районах их 18, а в Бухаре — 12). Вопрос о происхождении и распространении катакомб этого типа является дискуссионным; 3. в раннесарматских памятниках ведущее место принадлежит прямоугольно-удлиненным грунтовыми могилам — 45,5%, в среднесарматских — 33,4%, к которым добавим квадратные ямы с диагональными погребениями — 27% (Скрипкин, 1988, с. 123—124). Ничего подобного нет в бухарских курганах; 4. определенное сходство наблюдается между погребениями в подбойных могилах. Однако, подобные могилы встречены во многих районах Средней Азии и степей Евразии, включая некрополи городов Северного Причерноморья (где их связывают с появлением сарматов, ср. Масленников, 1990). При столь широком распространении однозначное заключение о сарматском происхождении подбоев Бухары требует дополнительных доказательств; 5. в литературе

справедливо отмечено, что ряд признаков погребального обряда являются общеиранскими и не могут служить для этнических определений (Мошкова, 1984, с. 67), тем более для заключения о переселениях — миграциях. Остается сходство погребального инвентаря. Однако, известны находки типично сарматских предметов в отдаленных странах, где сарматы никогда не были, например, в Таксиле в северо-западной Индии (доклад автора на конференции в Анапе в мае 1993 г. — в печати). Оснований для ответственного вывода о переселении сарматских племен в долину Зеравшана, как видим, явно недостаточно.

6. В сравнительном изучении Обельченко основывался на несовершенном приеме поисков аналогий для отдельных курганов и погребений. Более надежные результаты могут быть получены при сопоставлении конкретных могильников как обособленных развивающихся во времени памятников. Так, например, в Калиновском могильнике к раннесарматскому периоду относятся три типа погребальных сооружений, к среднесарматскому — пять, к позднесарматскому — три (Шилов, 1959). Памятники Бухары разделены на три хронологические группы II в. до н. э.—I в. н. э., II—IV вв. н. э. и V—VII вв. В первой группе — три типа могил — подбой, катакомбы II типа и единичные грунтовые, во второй группе — четыре, добавляются катакомбы кенкольского типа. Совпадают только два — подбой и катакомбы II типа. См. № 5.

7. Совсем иная картина получается, если сравнить бухарские памятники и, прежде всего, наиболее представительный, могильник Кызылтепинский, включающий погребения двух первых хронологических групп с Шаушукумским, расположенным на средней Сыр-Дарье (Максимова в кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968). Совпадают все четыре типа погребальных сооружений. В Шаушукуме вскрыто 7 катакомб лявандакского типа. Сходство этих могил отмечала А. Г. Максимова и О. В. Обельченко, обративший внимание также на одинаковый заклад входа (1992, с. 74). О сходстве подбоев Шаушукума (12 курганов) с позднесарматскими и памятниками Ферганы, Ташкентского и Бухарского оазисов писала Максимова (1968, с. 207). Преобладают в Шаушукуме катакомбы кенкольского типа (в 29 из 57 вскрытых курганов). Катакомбы этого типа обнаружены в 23 курганах Бухары, в том числе 5 — в Кызылтепинском могильнике. Для них характерна устойчивая восточная ориентировка кос-

тяков, заклад входа кирпичом, положение умерших в гробах. Все эти признаки широко распространены в могильниках Ташкентского оазиса, Южного Казахстана, Кенкола. Удивительное полное сходство всех составных компонентов дает основание говорить о большей вероятности переселения кочевого населения в долину Зеравшана из-за Сыр-Дарьи (Яксарта), нежели из отдаленных районов Поволжья и Приуралья. Окончательное решение зависит от уточнения хронологии сырдарьинских памятников. Если признается условность даты бухарских курганов, в которых обнаружены монеты, то еще более предположительней выступает хронология памятников Сыр-Дарьи. Часть погребений могильника Жаман-Тогай датирована рубежом н. э. (Максимова, 1968, с. 188). Могильник Актобе аналогичен курганам культуры Кауңчи II Ташкентского оазиса рубежа н. э., отнесен исследователем к I—III вв. Не удалось хронологически разграничить погребения Шаушукума и они суммарно датированы III—V вв. на основании находки в одном кургане сасанидской монеты 7 в. Между тем, в могильнике имеется ряд более ранних предметов — не позднее I в. н. э. В катакомбах кенкольского типа найден меч с ромбовидным бронзовым перекрестием (тип 7 по Скрипкину) и круглые плоские зеркала и зеркала с короткой ручкой (типа 1.01 и 1.6 по Скрипкину). В катакомбах льяндакского типа зеркало с бортиком (тип 4.7 по Скрипкину). В грунтовых могилах — короткий меч с серповидным навершием и прямым перекрестием (тип 1 по Скрипкину). Следовательно, в трех комплексах имеются материалы рубежа н. э. — не позднее I в. н. э. Добавим ранние находки из Ташкентских курганов — костяное навершие гребня, фибулы Авцисса. Из всего этого следует, что памятники Средней Сыр-Дарьи, Ташкентского и Бухарского оазисов относятся примерно к одному периоду. Достаточно определенно можно утверждать, что катакомбы кенкольского типа появились раньше на Сыр-Дарье, чем в Бухаре, где они датированы II—IV вв.

8. Рассмотренные могильники в бассейне Сыр-Дарьи характеризуют культуру основной или господствующей части кочевого населения Кангюя рубежа н. э. и первых вв. н. э. Это было крупное объединение кочевников и земледельческих областей в Среднеазиатском междуречье периода II в. до н. э. — V в. н. э. По китайским сведениям Кангюй к I в. н. э. подчинил владение Яньцай, очевидно, в Приаралье, и лежащее еще далее владение Янь (Южное Приуралье). Таким обра-

зом, Кангюй на северо-западе вступил в прямые контакты с сарматским миром. Успешная экспансия на северо-запад исключает какую-либо возможность проникновения в этот период сарматов в долину Сыр-Дарьи. Как сильное самостоятельное владение, Кангюй известен в середине II в. до н. э. (138 г. до н. э.) и в это время он служил непреодолимым барьером для вторжения сарматов в пределы Средней Азии. Конкретную историческую ситуацию, сложившуюся во II—I вв. до н. э. необходимо учитывать при решении вопроса о так называемой юго-восточной экспансии сарматов.

	Стр.
Предисловие	3
I. Усуни, Кангюй, Яньцай — Аланы	
Номады северной Центральной Азии после вторжения Александра//История цивилизации Центральной Азии. Т. 2. Париж, ЮНЕСКО, 1994	10
Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э.—V в. н. э.//Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10.	30
Проблема локализации Кангюя в свете археологических данных. 1997.	44
II. Юечжи и другие номады и их миграции	
К истории кочевников Средней Азии кушанского периода//Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2.	61
Рецензия: Л. А. Боровкова. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э.: Ист.-геогр. обзор по древнекитайским источникам. М., 1989//Восток. М., 1991. № 3.	66
Пути миграции юечжей по новым археологическим данным. 1997.	74
Трансазиатский степной путь — ветвь Шелкового пути по археологическим данным//Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тезисы докладов. Донецк, 1992.	79
Могильник номадов Сильцзяна эпохи Хань//Археологические изыскания. С.-Пб, 1995. № 24.	83
Таксида и номады Центральной Азии. 1997.	90
III. Бухара и кочевой мир	
Древние номады на периферии Бухарского и Самаркандского Согда//Материалы I международного симпозиума «Бухара и мировая культура». Вып. I. Бухара, 1994.	101
Взаимодействие номадов и оседлого населения Бухарского оазиса в античный период. 1997.	104
Юго-восточная экспансия сарматов: pro и contra//Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов. Волгоград, 1991.	107

CONTENT

Preface	3
I. The Wu-Sun and K'ang-Chü	
The nomads of northern Central Asia after the invasion of Alexander//History of civilization of Central Asia. Vol. II. 1994. Paris. UNESCO.	10
The ethnical definitions of the nomads burials in Wu-Sun time Semirechye (II B. C.—V A. D.). 1971.	30
Some problems of history K'ang-Chü: 1997.	44
II. The Yüeh-Chih and their migrations	
History of Central Asian nomads in the Kushan period. 1975.	61
Review book by L. A. Borovkova: «West of Central Asia II B. C.—VII A. D.» Moscow, 1989; 1991.	66
Migration paths of Yüeh-Chih based on archaeological evidence. 1997.	74
Transasian steppe route as a branch of the Great Silk Road according to the archaeological data 1992.	79
Nomads cemetery of the Han period in Xinjiang. 1995.	83
Taxila and nomads of Central Asia. 1997.	90
III. Bukhara and Nomad's World	
Ancient nomads on periphery Bukhara and Samarkand Sogd. 1994.	101
The interrelation between nomads and settled population Bukhara oasis. 1997.	104
South-eastern expansion of Sarmatian: Pro and contra. 1994.	107

По техническим причинам иллюстрации не воспроизводятся.

Сдано в набор 20.02.97 Подписано в печать 23.04.97
Формат 60×84¹/₁₆, л. л. 7,2 Тираж 500, зак. 593

Гатчинская типография, ППП-1, г. Гатчина, пр. 25 Октября, 2а